

ОБЕЗЪЯНЫ НОВАГО СВѢТА

А. БРЕМА

Изложилъ М. Н. Я.

Въ двухъ частяхъ. Съ 13 рисунками.

Изданіе Книжнаго Склада П. К. ПРЯНИШНИКОВА.

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ.

(12,150 экз.).

№ 29.

МОСКВА.

Типо-Литографія Д. А. Волчь-Бруевича, Мясницкая, Козловскій пер., д. Прянишниковъ.
1895.

Старым бумажным книгам —
Новую «электронную» жизнь!

DjVu — библиотека сайта
www.biografia.ru

Дозволено цензурою. Москва, 25 февраля 1895 г.

когда обезьяна попадаетъ въ неволю и здѣсь, находясь среди людей, научается вести себя также, какъ и они. Совсѣмъ нельзя этого сказать про обезьянъ Новаго Свѣта. Наружнымъ видомъ они скорѣе походятъ на звѣрей; только лицо иногда сохраняетъ отдаленное сходство съ человѣческимъ лицомъ. Сходству этому особенно помогаетъ то, что морда у этихъ обезьянъ никогда не выдается впередъ. Снимите съ нихъ ихъ мохнатую шкуру и сходство увеличится; его нарушать будетъ только хвостъ, необычайно хорошо развитый. Здѣсь на рисункѣ предъ вами костякъ одной изъ этихъ обезьянъ Маримонды. (Рис. I). Взгляните на него и вы должны

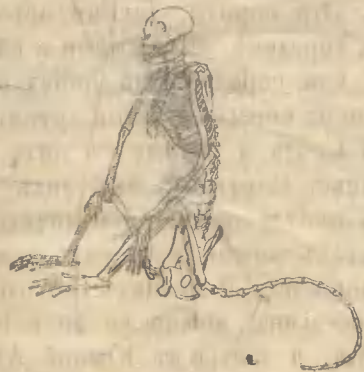

Рис. 1. Костякъ Маримонды.

будете убѣдиться, что главное отличие обезьяны отъ человѣка заключается въ наружныхъ оболочкахъ, а внутреннее строеніе почти сходно. Это сходство по строенію заставляетъ насъ искать сходство въ умственныхъ свойствахъ. Но здѣсь поиски должны

оказаться въ концѣ-концовъ, напрасными. Обезьяны Новаго Свѣта лѣнны, скучны и тупоумны. По наружному виду онѣ малы, спокойны и худошавы. Всегда имѣютъ хвостъ, который часто замѣняетъ руки, особенно при лазаніи по деревьямъ. Окраска шерсти чрезвычайно разнообразна, только ярко красные, зеленые и синіе цвѣта отсутствуютъ. Дѣлятъ этихъ обезьянъ на два отдѣла: на широконосыхъ и игрунковыхъ. Первые, въ свою очередь, раздѣляются на цѣпкохвостыхъ и мягкохвостыхъ. Кроме того существуетъ нѣсколько породъ, которыя нельзя причислить ни къ одному изъ этихъ отдѣловъ. Одни ихъ признаки заставляютъ, напримѣръ, причислять ихъ къ цѣпкохвостымъ, другіе къ мягкохвостымъ. Эти породы, такимъ образомъ, стоятъ какъ бы по срединѣ между тѣми и называютъ ихъ срединными или переходными породами.

Широконосыя обезьяны самыя крупныя изъ обезьянъ Новаго Свѣта и потому съ нихъ мы начнемъ наше описанье. Наружный ихъ видъ не представляетъ чего нибудь особенно отличительнаго и въ общихъ чертахъ можно повторить тоже, что было сказано вообще объ обезьянахъ Новаго Свѣта. Найти этихъ обезьянъ можно не во всѣхъ странахъ Новаго Свѣта, а только въ Южной Америкѣ¹⁾, и то, главнымъ образомъ, въ той ея части, которая

¹⁾ Югомъ называется та сторона, гдѣ мы видимъ солнце въ полдень. Та сторона, гдѣ мы никогда солнца не видимъ, называется сѣвромъ. Америка раздѣляется на двѣ части: сѣверную и южную. Эти части соединены между собой узкой полосой земли, называемой Панамериканскимъ перешейкомъ, та сторона, гдѣ солнце восходитъ, называется востокомъ, а та сторона, гдѣ солнце заходитъ—западомъ.

сплошь покрыта лѣсами. Намъ даже трудно составить себѣ какое либо понятіе объ этихъ лѣсахъ, такъ сильно они отличаются отъ нашихъ лѣсовъ.

На пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ верстъ вдоль и поперекъ все покрыто безпредѣльнымъ лѣсомъ, прерываемымъ только руслами рѣкъ и рѣченокъ, болотистыми топями, озерами и мѣстами прогалинами изъ высокихъ травъ, надъ которыми возвышаются разбросанныя деревья.

Человѣкъ отваживается пролагать только небольшія тропинки въ этомъ лѣсу, никогда не забываясь въ глубь. Но что еще должно поразить жителя нашихъ странъ, привыкшаго къ однообразію нашихъ лѣсовъ, это разнообразіе растительности. Кажется, что растенія всей земли собрались туда и всѣ лѣса перемѣшались вмѣстѣ. Надъ объемистыми густыми вершинами возвышаются еще другія вершины, надъ которыми висятъ пальмы. Все это переплетено другъ съ другомъ сѣтью особенныхъ вьющихся растеній ліанъ. Ліаны, не имѣютъ собственныхъ корней въ землѣ и питаются соками другихъ деревьевъ, запуская въ нихъ свои корешки. Отыскивая себѣ все новыя и новыя жертвы, онѣ перекидываются съ одного дерева на другое и какъ-бы новой корою покрываютъ стволы своей красивой листвою. Обломанныя вѣтви, висящія на почти невидимыхъ стебляхъ, качаются въ пространствѣ, а упавшія отъ старости деревья исчезаютъ подъ сѣтями изъ цвѣтовъ. Вотъ въ этомъ-то дикомъ лѣсу, перепрыгивая съ дерева на дерево, проводятъ свою жизнь обезьяны. На землю они спускаются только въ крайнемъ случаѣ и даже пьютъ воду,

зацѣпившись за дерство своимъ длиннымъ цѣпкимъ хвостомъ. Сотни верстъ они проходятъ не коснувшись земли и добывая все необходимое па деревьяхъ. Лазять онѣ превосходно, причемъ главнымъ помощникомъ является хвостъ. Обезьяна какъ бы не довѣряетъ своимъ рукамъ и ногамъ и въ какомъ бы положеніи не находилась всегда обвиваетъ хвостомъ какой-нибудь предметъ. Большая часть этихъ обезьянъ охотится за пищей днемъ, а только немногія принадлежатъ къ сумеречнымъ и ночнымъ. Пища ихъ состоитъ изъ различнаго рода частей растений, а также изъ пауковъ, жуковъ, птичьихъ яицъ, молодыхъ птенцовъ и меда. Лѣсъ доставляетъ имъ эту пищу въ изобиліи и потому человѣку онѣ почти не досаждаютъ. За то люди сильно досаждаютъ имъ, убивая ради мяса и шкуръ. Убиваютъ ихъ ядовитыми стрѣлами. Чтобы обезьяна не могла вытащить стрѣлы, ее надламываютъ, такъ что кончикъ при вытаскиваніи всегда остается въ тѣлѣ. Будучи слабыми, обезьяны эти страшно пугливы и бѣгутъ при малѣйшемъ шумѣ, но трусость ихъ пропадаетъ, если дѣти въ опасности. Здѣсь матери забываютъ самихъ себя и часто погибаютъ спасая дѣтеныша. Кстати сказать, что рождаютъ онѣ сразу одного или двухъ дѣтенышей.

Въ неволѣ онѣ скоро покоряются своей участи и ведутъ себя послушно и довѣрчиво. Но рѣдкая изъ нихъ сохраняетъ свою веселость. Онѣ сонливы, вялы, имѣютъ тоскливый видъ, издаютъ постоянно жалобные крики и скоро погибаютъ отъ тоски.

Теперь постараемся познакомиться подробнѣе

съ каждой изъ многочисленныхъ породъ этихъ обезьянъ. Начнемъ съ цѣпкохвостыхъ. Самыми крупными изъ цѣпкохвостыхъ безспорно являются Ревуны (рис. 2). Они отличаются необыкновенно

Рис. 2. Семейство Ревуновъ.

густой шерстью, которою покрыта верхняя часть головы и спина. Брюхо и внутренняя сторона бедра покрыта только рѣдкими волосами. Окраска шерсти различна у самцовъ и самокъ. Самцы, большей частью, рыжіе, самки — чернобурья. Живутъ

ревуны въ вышеописанныхъ лѣсахъ небольшими стадами въ 5—10 штукъ. Предпочитають держаться въ опредѣленной мѣстности и никогда не предпринимають далекихъ путешествій.

Въ каждомъ стадѣ всегда есть одинъ старый самецъ вожакъ.

Если стадо велико, то самцовъ нѣсколько, но одинъ изъ нихъ самый сильный является начальникомъ. Сознавая свою слабость, ревуны никогда не отлучаются въ одиночку отъ своего стада, а всегда держатся вмѣстѣ. При приближеніи опасности всѣ собираются въ кучу и стараются прятаться въ густой листвѣ деревьевъ, забираясь при этомъ на самую верхушку. Тамъ они иногда проводятъ весь день. Съ наступленіемъ сумерекъ они спускаются на болѣе низкія деревья и, спрятавшись въ ихъ густой, переплетенной ползучими растеніями, листвѣ, предаются спу. Когда же утренніе лучи солнца разгоняютъ свѣжесть ночи и туманъ, ревуны отправляются отыскивать себѣ пищу, которую въ изобиліи всегда находятъ на деревьяхъ. Медленно, почти ползкомъ, перелѣзають они съ одной вѣтви на другую, выбирая листья и почки, неторопливо срывая ихъ рукой и поднося ко рту. Насытившись они собираются на какомъ-нибудь громадномъ деревѣ и сообща предаются своему любимому занятію—реву. Говорять, что въ стадѣ всегда существуетъ запѣвало, который обыкновенно первый начинаетъ ревать. Онъ издаетъ сначала тихіе отрывистые звуки. Потомъ звуки дѣлаются громче; они увлекають все стадо, которое начинаетъ подпѣвать и раздается такой ужасный ревъ, который

и описать трудно. Слышится то хрюканье свиньи, то ревъ дикаго звѣря, то завыванье, то все смѣшивается вмѣстѣ. Такой силы звуки эти достигаютъ благодаря особому устройству горла ревуновъ. Верхняя часть горла у нихъ снабжена шестью пазухами и особымъ костянымъ барабаномъ. Когда воздухъ съ силой врывается въ костяной барабанъ, тогда и происходитъ этотъ особенный звукъ. Натѣшившись лѣснами ревуны снова поѣдаютъ и успокоются на какомъ-нибудь деревѣ. Иногда всю жизнь проведеть ревуноу ни разу не спустившись съ дерева. За то и лазить онъ большой мастеръ; въ чемъ особенно ему помогаетъ хвостъ, которымъ онъ рѣшительно все можетъ дѣлать. Часто можно видѣть, какъ ревуноу, повиснувъ на концѣ своего хвоста на какомъ-нибудь сукѣ, срываетъ листья съ вѣтви расположенной ниже, тутъ же закидываетъ ихъ въ ротъ и съѣдаетъ, не измѣняя положенія.

Самки ревуновъ мечутъ въ годъ по одному дѣтенышу.

Въ продолженіи первой недѣли послѣ рожденія дѣтенышъ виситъ на брюхѣ матери, ухватившись за нее руками и ногами, а потомъ она носитъ его на спинѣ до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не станетъ вполне окрѣпшимъ и способнымъ къ самостоятельной жизни. Рѣдко приходится ревуноу окончить свою жизнь спокойно. Кромѣ человека, самаго опаснаго врага, его подстерегаютъ хищныя животныя изъ породы кошекъ, лазающія по деревьямъ. Не брезгаютъ ими и хищныя птицы, которыя вылавливаютъ дѣтенышей ревуновъ, какъ

у насъ совы и сычи зайчатъ. Люди охотятся на нихъ съ собаками, которыя очень скоро научаются отыскивать ревуновъ по особому запаху. При стрѣльбѣ обезьяны сильно пугаются и бѣгутъ, не смотря на раны, пока достанетъ силъ. Почти все туземные жители охотятся за ревунами, потому что мясо ихъ вкусно, а шкура идетъ на разныя подѣлки. Ловятъ ихъ также и для прирученія, хотя въ неволѣ они никогда долго не выживаютъ.

Другой родъ цѣпкохвостыхъ обезьянъ это паукообразныя обезьяны, длинныя, сухощавыя съ малень-

Рис. 3. Одна изъ паукообразныхъ—Чамекъ.

кой головой и безбородымъ лицомъ. Обезьяны эти очень многочисленны и разнообразны. Насчиты-

наружномъ видѣ всехъ визгуновъ раздѣляютъ на довольно большое количество видовъ. Все эти различія собственно незначительны, такъ что описы-

Рис. 6. Налъво—Рогатый Сапаку, а направо—Кай (Обитатель лѣсовъ.)

вать каждый видъ въ отдѣльности совершенно излишне. Я опишу жизнь двухъ или трехъ видовъ наиболее часто встрѣчающихся, а потому и наилучше извѣстныхъ. Понятіе же о жизни остальныхъ придется составить, сравнивая съ этими. Наиболее извѣстный изъ визгуновъ это Кай, что на языкѣ туземцевъ значитъ „обитатель лѣсовъ“. Кай

самая большая изъ Визгуновъ, хотя безъ хвоста имѣетъ всего 10 вершковъ длины. Шерсть ея темнубураго цвѣта, а виски, борода, горло, грудь и брюхо—свѣтлубураго. Встрѣчаясь почти во всей Южной Америкѣ, Кай предпочитаетъ лѣса, въ которыхъ почва не поросла низкимъ кустарникомъ. Жизнь свою Кай проводятъ на деревьяхъ, не имѣя какого либо постоянного мѣста. Днемъ они путешествуютъ по деревьямъ, отыскивая пищу до тѣхъ поръ, пока ихъ не застанетъ ночь, которую онѣ и проводятъ между перепутанными вѣтвями дерева. Держится эта обезьяна всегда небольшими стадами въ 10—15 штукъ, изъ которыхъ большая часть самки; это явленіе заставляетъ предполагать, что Кай живетъ въ многоженствѣ. Такимъ стадомъ предводительствуетъ всегда старый самецъ, который во всѣхъ путешествіяхъ идетъ впереди, зорко высматривая окрестности. Пересбираясь съ дерева на дерево Кайи издають звуки похожіе на звуки флейты. Одному путешественнику удалось видѣть, какъ стадо такихъ обезьянъ начало на померанцевое дерево. Какъ только дерево было замѣчено, все стадо необычайно быстро забралось на него и занялось обрываніемъ и съѣданіемъ сладкихъ плодовъ. Однѣ ѣли на томъ же деревѣ, другія-же, захвативъ померанцы, перепрыгивали на однѣ изъ ближайшихъ деревьевъ. Тамъ они садились на вѣтвь обвивая ея хвостомъ, клали померанецъ между ногами и старались пальцами отдѣлать кожуру. Очистивъ такимъ образомъ, онѣ съѣдали померанецъ. Дерево скоро было очищено и тогда болѣе сильныя обезьяны пытались ограбить болѣе слабыхъ.

При этомъ онѣ щелкали зубами, вилялись другъ другу въ волоса и порядочно трещали. Особенное вниманіе привлекали въ это время обезьяны матери, которыя возились съ своими дѣтенышами. Сначала не давали имъ наѣдаться плодами, прибивая при этомъ даже къ потасовкамъ. Когда-же сами матери наѣлись, то собрали своихъ дѣтенышей, нѣжно прижимали ихъ къ своей груди и кормили молокомъ. Материнская любовь вообще сильно развита у этихъ обезьянъ. Мать не покидаетъ своего ребенка даже если она ранена. Индѣйцы употребляютъ въ пищу мясо Кайевъ и потому охотятся на нихъ съ лукомъ и стрѣлами; кромѣ того ихъ очень любятъ держать въ неволѣ и часто даже привозятъ къ намъ. Старыя животныя не привыкаютъ къ неволѣ: они становятся печальными, не принимаютъ пищи, не дѣлаются ручными и обыкновенно умираютъ черезъ нѣсколько недѣль. Молодыя же скоро забываютъ свободу и родимый лѣсъ, привязываются къ человѣку и привыкаютъ къ его пищѣ. Такъ какъ Кай часто попадаетъ въ неволѣ, то жизнь его въ плѣну изслѣдована во всѣхъ подробностяхъ. Начнемъ съ его походки. Ходитъ онъ на четверенькахъ: то шагомъ, то рысью, то большими прыжками. Можно выучить его ходить и на однѣхъ ногахъ, завязывая ему руки за спину, но долго держаться такимъ образомъ онъ не можетъ. Спитъ онъ свернувшись клубкомъ и закрывъ лицо руками и хвостомъ. Глаза его очень плохо видятъ особенно вдаль, а ночью и совсѣмъ ничего не видятъ. Слышитъ Кай также очень плохо, такъ что къ нему легко подкрасться. Запахи отличаетъ плохо

и часто не может отличить съдобнаго отъ не съдобнаго. Лучше всего развито осязанье и ощущиваніемъ онъ всегда узнаетъ вещь. Понятно, что на свободѣ всѣ его чувства развиты гораздо лучше. Отыскивая пищу и оберегая себя отъ опасностей и невѣдомыхъ враговъ, Кай понятно долженъ постоянно напрягать свои чувства. Попавъ же въ неволю въ молодыхъ годахъ, онъ освобождается отъ заботъ и потому чувства его тупѣютъ. Звуки его очень разнообразны и по нимъ можно узнать настроеніе и желаніе обезьяны. Когда она хочетъ просить чего нибудь то стонетъ. Въ страхѣ и отъ боли пищитъ. Удивленіе выражаетъ свистомъ, а радость смѣхомъ. Когда-же ничего не дѣлаетъ, а скучаетъ, то почти все время издаетъ звукъ похожій на звуки флейты. При плачѣ глаза наполняются слезами, но слезы не текутъ по щекамъ. Привыкнувъ къ домашней пищѣ, Кай скоро научается различать вкусное отъ невкуснаго, полюбивъ какое нибудь кушанье, особенно сладкое, онъ истребляетъ его какъ только увидитъ. Если это кушанье прячутъ или наказываютъ его за истребленіе, то Кай крадетъ его потихонько. Чтобы лучше приручить Кая слѣдуетъ обращаться съ нимъ какъ можно ласковѣй. Побоями его можно только озлитъ, и онъ тогда кусается и всячески досаждастъ своимъ врагамъ. Лаской-же скоро его можно сдѣлать довольно пріятнымъ, хотя и упрямымъ звѣркомъ. Онъ научается скоро узнавать выраженіе лица своего хозяина и выражаетъ страхъ или радость, смотря потому смотреть ли на него строго или ласково. Въ общей клѣткѣ онъ скоро подчиняетъ себѣ всѣхъ

слабѣйшихъ звѣрей, а самъ никогда не подчиняется ни чьему желанію, хотя и боится большихъ обезьянъ. Кай часто поступаетъ въ пріемыши къ какой нибудь большой обезьянѣ и пользуется ея защитой и заботами, нисколько не стѣсня своей свободы.

Привыкнувъ совершенно къ неволѣ, Кай часто спаривается и самка рождаетъ дѣтенышей также, какъ и на свободѣ. Заботливость матери здѣсь выражается необычайно сильно. Кажется, что мать своими ласками хочетъ заставить ребенка забыть тягость плѣна. Она ни на одну минуту не оставляетъ свое дитяtko и не позволяетъ никому изъ людей трогать его, показывая только тѣмъ, кого сама она любитъ.

Другой изъ извѣстныхъ визгуновъ носитъ названіе Бурой Крючкохвостки или Бураго Визгуна. Это толстая неуклюжая обезьяна съ лицомъ окаймленнымъ пушистой бородой и съ вихрами на лбу и вискахъ. Окраска шерсти чрезвычайно разнообразна. Жизнь этой обезьянки протекаетъ почти также, какъ и описанныхъ раньше обезьянъ и повторяютъ эти описанія въ подробностяхъ не стоитъ. Ея особенностью является то, что она живетъ громадными, доходящими иногда до нѣсколькихъ сотъ стадами. Другъ къ другу онѣ относятся съ необычайной нѣжностью, особенно матери къ дѣтямъ. Какъ то охотникамъ пришлось спугнуть стадо этихъ обезьянъ. Обезьяны быстро скрылись, но одна маленькая обезьянка застряла. Увидѣвъ, что она одна, обезьянка кричитъ испуганнымъ голосомъ. Одинъ изъ охотниковъ полѣзъ на дерево за ней. Крики обезьяны сдѣлались громче, и черезъ нѣсколько времени съ

другого дерева послышались отвѣтные крики; это явилась мать спасать своего ребенка. Ее подстрѣлили. Она спачала убѣжала, но скоро вернулась къ своему ребенку, перепрыгнула къ нему на дерево и посадивъ его себѣ на спину собиралась убѣжать съ нимъ, но ее поразилъ выстрѣлъ. Борясь уже со смертию она все еще прижимала къ себѣ своего любимца и стремилась убѣжать, но всѣ попытки оказались тщетными, и обезьяна свалилась мертвою на землю. Къ стаду такихъ обезьянъ подкраться очень трудно, такъ какъ они осторожны, пугливы и проворны. Выстрѣдомъ можно убить только одну, а остальные скроются во мгновение ока. Индѣйцы поэтому примѣняютъ другой способъ—они убиваютъ ядовитыми стрѣлами. Стрѣла безшумно вонзается въ тѣло обезьяны. С обезьяна ее выдергиваетъ, принимая за занозу, но надломленный кончикъ не выдергивается, а остается въ тѣлѣ. Дѣйствіе отравы скоро начинается. Руки и ноги слабѣютъ и обезьяна сваливается внизъ. Все стадо недоумѣваетъ и начинаетъ разсматривать трупъ товарища. Этимъ пользуются охотники и пускаютъ изъ засады все новыя и новыя стрѣлы, которыя поражаютъ все новыя и новыя жертвы.

Бурый визгунъ очень легко дѣлается ручнымъ, особенно, если попадетъ въ неволю въ дѣтствѣ. Почти во всякой хижинѣ индѣйца можно встрѣтить маленькаго визгуна, котораго женщины хозяйки кормятъ даже грудью вмѣстѣ со своими дѣтьми. Привозятъ визгуновъ и къ намъ; ими пользуются для собиранія милостыни. Животные привязываютъ на длинную битевку и обезьянка, подъ звуки шарманки,

устремляется по окнамъ изъ этажа въ этажъ. Когда она появляется у открытыхъ оконъ, ее видятъ дѣти, кормятъ сахаромъ, хлѣбомъ, даютъ также и деньги, которыя обезьяна скидываетъ свосму хозяину. Неволю бурый визгунъ переноситъ довольно хорошо и живетъ долго.

Для полнаго ознакомленія съ жизнью визгуновъ мы опишемъ еще рогатаго визгуна. Этотъ визгунъ прозванъ такъ вслѣдствіе особаго разрастанія волосъ на головѣ въ видѣ роговъ. Величиной рогатый визгунъ съ кота. Голова и лицо круглое, хвостъ длиннѣе тѣла и усаженъ волосами. Цвѣтъ шерсти блестяще-черный, и на этомъ черномъ полѣ раскиданы свѣтло-бурыя, желтыя и бѣловатыя мѣста. Говорятъ, что этотъ визгунъ самое быстрое и самое умное животное изъ обитающихъ въ первобытныхъ лѣсахъ. Живетъ онъ небольшими обществами въ 30—40 штукъ, постоянного мѣста не имѣетъ, а бродитъ по всему лѣсу и гдѣ его застапеть почъ, тамъ и почуетъ. Неограничиваясь той пищей, которую доставляетъ лѣсъ, рогатый визгунъ дѣлаетъ набѣги на огороды и посѣвы; и къ такимъ грабежамъ онъ хорошо приспособился, во-первыхъ, всегда дѣлаетъ набѣги только на поля отдаленныя отъ жилищъ. При грабежѣ онъ выставляетъ всегда стражу. Когда стража почуетъ опасность, то начинаетъ свистать. Если опасность далеко, то обезьяны не покидаютъ награбленнаго, а стараются скрыться съ добычей. Охотиться на такихъ визгуновъ трудно, потому что стража ихъ очень чутка. Даже если и подкрадется охотникъ къ стаду, то усидѣть сдѣлать только одинъ выстрѣлъ. Обыкновенно ихъ подманя-

вають, подражая тому свисту, который издають они слывая другъ друга. И охотники изошряются въ этомъ искусствѣ, потому что мясо визгуна въ холодное время очень жирно и вкусно. Стараются также достать и живыхъ дѣтепышей для прирученія. Рогатые визгуны довольно забавные звѣрки и доставляютъ много удовольствія своимъ хозяевамъ. Среди невольниковъ визгуновъ чаще встрѣчаются самцы, а самки, какъ болѣе нѣжныя, почти невыносятъ неволи.

Перейдемъ теперь къ описанію обезьяны извѣстной подъ именемъ Мертвой головы. Эта обезьяна принадлежитъ уже не къ цѣпкохвостымъ, а къ переходнымъ или срединнымъ породамъ. Названіе ей дано вслѣдствіе отдаленнаго сходства ея головки съ мертвой головой. На картинкѣ можно отмѣтить сходство (рис. 7). Мертвая голова безспорно самая красивая изъ всѣхъ обезьянъ Новаго Свѣта, хотя и носитъ такое страшное названіе. Тѣло ея стройно, хвостъ длиненъ и хотя помогаетъ обезьянѣ при лазаньи, по цѣпкимъ его назвать нельзя. Шерсть ея на спинѣ красновато-черная, а на животѣ бѣлая. Живетъ также въ лѣсахъ и на деревьяхъ, но держится преимущественно по берегамъ рѣкъ и въ кустарникахъ, такъ что ей чаще, понятно, приходится спускаться на землю, чѣмъ настоящимъ цѣпкохвостымъ. Собирается она обыкновенно въ большія стада и такъ проводитъ жизнь. Иногда стадо Мертвой головы сходится со стадомъ Каевъ и проводитъ нѣсколько времени вмѣстѣ. День онѣ проводятъ въ постоянномъ движеніи, а ночью забираются на вершины пальмъ и тамъ успокоиваются.

При этомъ онѣ настолько пугливы, что боятся даже пошевелинуться, чтобы не обнаружить этимъ своего присутствія. Да и днемъ, при малѣйшемъ подозрительномъ шумѣ, онѣ быстро убѣгаютъ, несясь по верхушкамъ деревьевъ и перепрыгивая довольно

Рис. 7. Мертвая голова.

большія пространства, причемъ хвостъ служитъ рулемъ. Матери несутъ маленькихъ дѣтенышей на рукахъ, а тѣхъ, которыя побольше, на спинѣ. Дѣтенышей можно видѣть впродолженіи всего года, изъ чего и заключаютъ, что и рождаются они цѣлый годъ. Крикъ обезьяны состоитъ изъ нѣсколькихъ повтореннаго свиста; можетъ также она и визжать, что дѣлаетъ при малѣйшей непріятности. Трудно

даже себя представить как может сохраняться эта обезьяна на свободѣ, гдѣ приходится добывать самостоятельно кажды́й кусокъ пищи, каждую минуту остерегаться и спасаться отъ враговъ и переносить дождь и холодъ. По крайней мѣрѣ въ неволѣ она кажется совершенно безпомощной и только визжитъ, если ей не хорошо, да иногда плачетъ. Если выставить на холодъ клетку съ этими обезьянами, то онѣ обвиняютъ другъ другу шею хвостами, сплетаются руками и ногами и образуютъ изъ себя клубокъ. Говорять, что какіе клубки можно найти и въ лѣсахъ во время холодной дождливой погоды. Всѣ обезьяны при этомъ страшно визжатъ, такъ какъ каждая, паходящаяся съ наружной стороны клубка, старается понасть въ середину. Хотя мертвая голова, такимъ образомъ, и очень докучлива, но держать ее любятъ, такъ какъ весь ея визгъ вызываетъ только жалость, а въ остальномъ это чрезвычайно забавныя обезьянки. Онѣ всегда внимательно слѣдятъ за своимъ хозяиномъ. Когда передъ нею говорятъ, то она внимательно смотритъ въ лицо говорящаго, иногда забирается къ нему на плечо и дотрогивается до его губъ рукою, какъ будто стараясь угадать смыслъ непонятныхъ ей звуковъ. Пищу беретъ она руками, а не ртомъ, и ѣсть главнымъ образомъ гочки листья, но охотится также за маленькими птичками и насекомыми. Понятливость ея превосходитъ очень многихъ обезьянъ. Привыкнувъ къ насекомымъ и отличая съѣдобныхъ отъ не съѣдобныхъ, она умѣетъ отличать ихъ также и на картинѣ.

Но это свойство нельзя приписать все́мъ обезь-

янамъ этой породы. Помято, что, встрѣчаются и такія, которыя могутъ поразить и своимъ тупоуміемъ. Такъ, одинъ ученый наблюдалъ случай смерти обезьянъ отъ того, что онѣ поѣли ядовитыхъ бабочекъ. Осталось еще сказать о врагахъ этихъ обезьянъ. Всякаго рода хищники и четвероногіе и крылатые пожираютъ ихъ вдосталь. Но самымъ злымъ врагомъ является опять таки человекъ, такъ какъ онъ наиболѣе ловкій охотникъ. Мяса ихъ не ѣдятъ, а шкура плоха, и за ними охотятся для того, чтобы сдѣлать ручными, т. е. для забавы. Чтобы поймать ребенка убиваютъ мать, да и ребенокъ скоро погибаетъ въ неволѣ, послуживши игрушкой для своихъ хозяевъ. Къ намъ этихъ обезьянъ не привозятъ, такъ какъ рѣдная изъ нихъ можетъ перенести дорогу.

Послѣ Мертвой головы пойдутъ уже настоящія мягкохвостыя обезьянки или иначе Саки. Это небольшіе, коренастые звѣрки съ длинной густой шерстью, разрастающейся возлѣ подбородка въ видѣ громадной густой бороды и съ хвостомъ покрытымъ пушистыми волосами. Обезьянъ этой породы очень много и встрѣчаются онѣ на довольно большомъ пространствѣ. Поэтому нѣкоторыя изъ нихъ довольно сильно отличаются другъ отъ друга. Чаще всего это различіе заключается въ окраскѣ шерсти. Живутъ онѣ въ сухихъ высокихъ лѣсахъ и держатся въ сторонѣ отъ другихъ обезьянъ. Между собой всегда дружатъ и сходятся въ небольшія стада отъ 4 до 10 штукъ. Самки приносятъ по одному дѣтенышу заразъ и долгое время таскаютъ его на спинѣ. Нѣкоторые путешественники при-

знаютъ мягкохвостыхъ почными животными. Дѣятельность этихъ обезьянъ, говорятъ они, начинается съ закатомъ солнца и кончается съ восходомъ. Днемъ-же онѣ спятъ и ничѣмъ никогда не выражаютъ своего присутствія. Но по всей вѣроятности это заключеніе не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ главной пищей этихъ обезьянъ являются ягоды, плоды и пчелиные соты, а это все такія вещи, которыя гораздо легче отыскивать днемъ, нежели ночью. Въ неволѣ мягкохвостыя попадаются рѣдко, такъ какъ совсѣмъ и не забавны и, главнымъ образомъ не долговѣчны. Изъ всѣхъ видовъ наиболѣе замѣчательнымъ является Шіу, (рис. 8). Онъ замѣчателенъ тѣмъ, что живетъ какъ-бы въ рабствѣ у дѣикохвостыхъ обезьянъ, которыя заставляютъ его собирать пищу и отивмаютъ ее, когда онъ соберетъ. Если онъ займетъ удобное мѣстечко на почъ на деревѣ, то онѣ прогоняютъ его внизъ, а сами занимаютъ его мѣсто. Когда онъ не хочетъ повиноваться, то его бьютъ. У этого Шіу борода настолько длинна, что мѣшаетъ ему пить воду ртомъ, какъ это дѣлаютъ его сородичи и онъ принужденъ пить, поднося воду рукою ко рту. Обезьяна эта, находясь въ подчиненіи озлилась на свою судьбу и на всѣхъ окружающихъ, не имѣя возможности справиться со своими притѣснителями, она скалитъ зубы при малѣйшемъ поводѣ и даже пускаетъ ихъ въ ходъ, если ее дразнятъ. Другой интересный видъ мягкохвостыхъ это Мохнатый саки, очень похожій на медвѣдя. Путешественники говорятъ, что эти обезьяны утромъ и вечеромъ выходятъ изъ своихъ лѣ-

совъ, собираются большими обществами и наполняютъ тогда воздухъ своимъ пропитательнымъ крикомъ. Эти саки чрезвычайно осторожны и проворны: при малѣйшемъ шумѣ все стадо пускается въ бѣгство и скрываются въ лѣсу, такъ что охотнику рѣдко удастся достать живьемъ хоть одну обезьяну.

Рис. 8. Шіу.

яну. Но если удастся достать ее живьемъ и приручить, то она сильно привязывается къ своему хозяину. Неволю переноситъ съ трудомъ и нужны особенныя заботы, чтобы сохранить ее въ живыхъ. У одного французскаго портного жила такая обезьяна. Она такъ привязалась къ своему хозяину, что

постоянно слѣдовала за нимъ какъ собака. Когда же портной работалъ, обезьяна сидѣла у него на плечѣ. Если хозяинъ уходилъ безъ нея, то она не могла сидѣть дома и обыкновенно уходила разыскивать его по знакомымъ.

Рис. 9. Уакари.

Къ мягкохвостымъ близко подходят короткохвостыя или Уакари. Эти Уакари только тѣмъ отличаются отъ первыхъ, что хвостъ у нихъ, какъ бы обрубленъ и борода не такъ густа (рис. 9). Живутъ Уакари въ лѣсахъ залитыхъ, большую часть года, водою. Обезьяны эти очень рѣдки и встрѣчаются только въ известной небольшой области, на напосныхъ островахъ рѣчки Уанури (въ Южной

Америкѣ). Тамъ можно видѣть, какъ онѣ переходятъ по верхушкамъ деревьевъ небольшими стадами. Движенія ихъ ловки и быстры, хотя онѣ всегда стараются перебѣгать по сучьямъ съ дерева на дерево, а не перепрыгивать. Матери при этомъ несутъ своихъ дѣтенышей на спинѣ. Ловятъ ихъ стрѣлая ядовитыми стрѣлами. Подстрѣленные обезьяны бѣгутъ до тѣхъ поръ, пока не обезсилятъ и не упадутъ, въ концѣ концовъ, на землю. Охотникъ обыкновенно гонится за ней по лѣсу и старается поймать на руки, когда она падаетъ. Затѣмъ ей даютъ щепотку соли, какъ противоядіе и обезьяна оправляется. Старыя обезьяны пойманныя такимъ образомъ остаются навсегда угрюмыми и равнодушными. Черезъ нѣсколько недѣль онѣ перестаютъ принимать пищу и начинаютъ хирѣть. Многія изъ нихъ умираютъ отъ болѣзни похожей на воспаленіе легкихъ. Передъ смертью онѣ перестаютъ ѣсть. Длинный гладкій и блестящій мѣхъ теряетъ цвѣтъ и дѣлается всклокоченнымъ; обыкновенно яркая краснота лица принимаетъ тусклый оттѣнокъ. Въ послѣдній день обезьяна лежитъ, вытянувшись на спинѣ, тяжело и громко дыша. Морда дѣлается все блѣднѣе и блѣднѣе, и черезъ два или три часа совсѣмъ бѣлой. Уакари принадлежатъ къ пѣщнымъ и хилымъ животнымъ и могутъ жить только въ своихъ родныхъ лѣсахъ. Одинъ старый уакари бѣжалъ какъ то изъ неволи, но скоро принужденъ былъ добровольно вернуться, такъ какъ даже вольная жизнь въ незнакомой странѣ показалась ему тяжелѣе неволи. Чаще другихъ Уакари встрѣчается Краснолицый Уакари, прозванный такъ

за ярко красный цвѣтъ его лица. Хвостъ у этой обезьяны толстый и короткий. Шерсть длинная грязноватожелтого или красного оттѣнка. У старыхъ же животныхъ цвѣтъ шерсти дѣлается совершенно бѣлымъ. Встрѣчаются еще въ Южной Америкѣ обезьяны прыгуны и Мирикины, которыхъ также относятъ къ широконосимъ, хотя ихъ нельзя причислить ни къ цѣпкохвостымъ, ни къ мягкохвостымъ. Прыгуны обладаютъ стройнымъ тѣломъ, тонкими ногами и руками, тонкимъ мягкимъ хвостомъ и круглой головой съ безбородымъ лицомъ, живыми глазами и большими ушами. Живутъ они небольшими стадами все въ тѣхъ же лѣсахъ. Тамъ можно слышать громкій голосъ, выдающій всегда ихъ присутствіе и видѣть, какъ онѣ скорчившись пробіраются по верхушкамъ деревьевъ. Охотники преслѣдуютъ ихъ ради вкуснаго мяса. Ловятъ также и живыми, такъ какъ прирученныя онѣ довольно забавны, привязчивы и довѣрчивы. Хорошо извѣстна жизнь двухъ видовъ этой породы: Сагуассу и Вдовушекъ. У Сагуассу вся голова, отъ темени до груди, чернубурая, затылокъ и шея желтоватобѣлые, а все тѣло сѣрое. Онѣ постоянно переходятъ изъ одной части лѣса въ другую, смотря потому гдѣ поспѣваютъ, любимые ими плоды. Громкій голосъ ихъ гулко отдается въ тихой лѣсной чащѣ и похожъ на громкое хрипѣніе. Этотъ голосъ является предателемъ ихъ и открываетъ всегда ихъ убѣжище охотнику. Подеравшись къ нимъ ближе можно видѣть, какъ онѣ очнувшись сидятъ на вѣткѣ; причемъ хвостъ свободно виситъ внизъ. Но стоитъ имъ почуять что набудь, какъ онѣ быстро пуска-

ются въ бѣгство по толстымъ сучьямъ деревьевъ, сохраняя все время глубокое молчаніе. Впрочемъ кричатъ они только въ спокойномъ состояніи духа, а когда они особенно довольны чѣмънибудь, то мурлычатъ какъ котята. Самки рожаютъ по одному дѣтенышу и носятъ ихъ на рукахъ, пока тѣ не окрѣпнутъ.

Гораздо красивѣе, чѣмъ Сагуассу, вдовушки. Шерсть ихъ тонкая, черная, блестящая; бѣловатоголубое лицо имѣетъ видъ маски, среди которой выступаютъ глаза, носъ и ротъ. Это очень робкое и тихое животное. Онѣ избѣгаютъ общества всѣхъ другихъ обезьянъ и боятся даже маленькой мертвой головы. Часто онѣ сидятъ нѣсколько часовъ неподвижно, внимательно разсматривая окружающее. Глаза ея при этомъ выражаютъ умъ и живость, которую эта обезьяна въ неволѣ никогда не обнаруживаетъ. При видѣ птицъ она возбуждается, вскакиваетъ, лазѣтъ съ изумительной быстротой и ловкостью, кидается на добычу, какъ кошка, и душитъ ее. Мирикина носитъ еще названіе ночной обезьяны. Она представляетъ изъ себя совершенно отдѣльный видъ обезьянъ и совершенно отличается отъ другихъ (рис. 10). У нея маленькая круглая голова съ большими совиными глазами; рыльцо довольно большое, широкое, но мало выдающееся; отверстія ноздрей обращены внизъ; уши маленькія. Тѣло длинное, покрытое мягкими волосами; довольно пушистый хвостъ длиннѣе туловища; ногти сжаты и загнуты крючкомъ, цвѣтъ шерсти сѣробрурый. На темени три продольныя, черныя полосы одинаковой ширины. Жизнь этой обезьяны на свободѣ мало

извѣстна. Она проводитъ время на деревьяхъ или въ дуплахъ. Ночью ищетъ себѣ пищу, а днемъ возвращается въ дупло, гдѣ и спитъ цѣлый день. Когда ихъ испугнуть днемъ, то обезьяна, ослабленная яркимъ дневнымъ свѣтомъ не въ состояніи

Рис. 10. Мирикипа.

ни сдѣлать вѣрнаго прыжка, ни влѣзть на дерево и дѣлается всегда добычей охотника, хотя защищается отъ него зубами. Логовище ночной обезьяны всегда выстилается листьями и древеснымъ мохомъ; изъ чего можно заключить, что Мирикипа имѣетъ

постоянное жилище и возвращается спать домой. Живутъ онѣ или парами или цѣлыми обществами. Самка родитъ въ лѣтніе мѣсяцы по одному дѣтенышу и носить его сначала у груди, а потомъ на спинѣ. Старую Мирикину нельзя приручить; онѣ остаются навсегда дикими и кусаются. Молодые, напротивъ, приручаются довольно легко и живутъ, при уходѣ, довольно долго. Обыкновенно ихъ держатъ въ большой клѣткѣ, гдѣ онѣ могутъ свободно бѣгать. Въ теченіе дня мирикина скрывается въ самомъ темномъ мѣстѣ своего жилища и спитъ. При этомъ она сидитъ скорчившись или согнувшись, а лицо прячетъ между скрещенными руками. При дневномъ свѣтѣ она ничего не видитъ, корчится и жалобно пищитъ, такъ какъ свѣтъ болѣзненно дѣйствуетъ на ея глаза. Вечеромъ она просыпается и разхаживаетъ по клѣткѣ, отыскивая пищу. Глаза ея тогда блестятъ, какъ у кошекъ и совъ; движенія ловки и быстры; она искусственно лазѣтъ, перепрыгиваетъ съ дерева на дерево и поймать ее до наступленія дня почти невозможно. На свободѣ она охотится за птичками и ловитъ ихъ очень легко. Понятливость ночной обезьяны, по словамъ людей, наблюдавшихъ ея жизнь, очень ограничена. Рѣдкія изъ нихъ научаются узнавать своего хозяина и откликаться на его зовъ. Что замѣчательно въ свойствѣ этихъ обезьянъ, это сильная любовь между самкой и самцомъ. Если одна изъ супружеской четы умираетъ, то другая сильно тоскуетъ и обыкновенно не переживаетъ ея. Свободу Мирикина цѣнить гораздо больше, чѣмъ другія обезьяны и въ неволѣ постоянно выискиваетъ

случай убѣжать. Къ памѣ ихъ привозятъ очень рѣдко и рѣдко показываютъ, такъ какъ днемъ будить ихъ очень вредно. Обезьяна этой породы, жившая у Брема, была доставлена ему вполне прирученной. Она не кусалась, позволяла вынимать себя изъ постели и опять укладывать. Днемъ она, какъ и всѣ ея родичи, была совершенно сонная и ничего не понимала, ночью же дѣлалась ловкой и веселой. Къ людямъ, ухаживавшимъ за ней, она относилась совершенно равнодушно и любимцевъ у нея между ними не было. Ночью свѣтъ свѣчей и лампъ не пугалъ ее и не причинялъ боли. Когда ей принесли однажды живую птицу, то она тотчасъ же схватила ее и откусила ей голову. Потомъ оцципала и прежде всего съѣла мозгъ и внутренности, поги же оставила на закуску. Но скоро она убѣжала и, стараясь пролѣзть черезъ узкую щель въ стѣнѣ, завязла тамъ и околѣла. Трупъ ея послѣ долгихъ поисковъ, только черезъ мѣсяць, былъ найденъ въ этой щели.

Самыми маленькими изъ всѣхъ обезьянъ, Нового Свѣта, являются Игрунковые. Самая большая изъ нихъ едва достигаетъ 5 вершковъ и имѣетъ хвостъ такой же длины. Эти презабавные звѣрки имѣютъ вполне круглую голову, плоское лицо и широкій лобъ. Шерсть у нихъ длинная, густая и окрашена самымъ разнообразнымъ образомъ. Руки совершенно потеряли сходство съ руками другихъ обезьянъ и человѣка и сдѣлались настоящими лапами; ноги имѣютъ такое же строеніе, какъ и ноги другихъ обезьянъ. Игрунковъ можно встрѣтить во всѣхъ сѣверныхъ частяхъ Южной Америки и даже въ южныхъ

частяхъ сѣверной. Всѣ обезьянки такъ похожи другъ на друга, что раньше всѣхъ причисляли къ одной породѣ, и только впоследствии, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ ихъ жизнью и строеніемъ, пришлось раздѣлить ихъ на нѣсколько породъ и, если можно такъ выразиться, подпородъ. Область распространенія каждой породы довольно ограничена и часто широкія рѣки являются границей этой области. Живутъ онѣ всѣ на деревьяхъ и держатся исключительно въ пустынныхъ, необитаемыхъ человѣкомъ мѣстахъ. Развѣ только въ видѣ исключенія можно ихъ встрѣтить возлѣ селеній и огородовъ. Это бываетъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ игрунковыя обезьянки пользуются покровительствомъ жителей и не служатъ предметомъ охоты. Образъ жизни этихъ обезьянокъ напоминаетъ образъ жизни нашихъ бѣлокъ. Онѣ, на примѣръ, не сидятъ па заднихъ лапахъ, какъ всѣ обезьяны, а напротивъ на всѣхъ четырехъ, или лежатъ, вытянувшись на животѣ и свѣсивъ свой пушистый хвостъ. При лазаньи онѣ предпочитаютъ толстые гладкіе стволы и сучья, а не тонкія вѣтви. Двигаются по этимъ стволамъ довольно быстро, въ чемъ имъ особенно помогаютъ острые когти. Съ дерева на дерево игрунки перепрыгивать не умѣютъ, и когда въ суматохѣ бѣгства имъ придется рѣшиться на это, то онѣ падаютъ на землю. Ночь игрунки, по всей вѣроятности, проводятъ въ дуплахъ деревьевъ, такъ какъ въ неволѣ онѣ сразу начинаютъ пользоваться ящиками, поставленными имъ для спанья и прячутся туда при малѣйшемъ испугѣ. Проснувшись съ восходомъ солнца, игрунки начинаютъ обходить дѣсь, отыскивая пищу и издавая

отъ времени до времени свистъ. При приближеніи опасности все стадо стремится убѣжать или скрыться за толстыми стволами деревьевъ. Кличка „игрунки“ дана имъ совершенно справедливо. Это необычайно забавныя и игривыя животныя. Головка ихъ ни на минуту не остается въ покоѣ; темныя глазки всегда поспѣшно перебѣгаютъ съ одного предмета на другой. Это вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайно непостоянныя животныя, что выражается особенно рѣзко въ частой смѣнѣ одного настроенія другимъ. Иногда, онѣ кажутся чрезвычайно довольными и радуются ласкамъ, какъ вдругъ безъ всякой видимой причины оскаливаютъ зубы, даже на своихъ хозяевъ, и дѣлаются пугливыми. Понятливость ихъ весьма ограничена, онѣ часто отъ одного занятія перебѣгаютъ къ другому и не обращаютъ никакого вниманія на сдѣланное, если имъ попадется на глаза что нибудь новое. Ко всему этому нужно прибавить страшную пугливость и тогда получится довольно точное представленіе о нравѣ игрунковъ. Пища ихъ состоитъ изъ почекъ, листочковъ, цвѣтковъ, плодовъ и сѣмянъ, а также изъ пауковъ, мушекъ, жуковъ и т. п. мелкой живности. Размноженіе происходитъ во всякое время года и самка рождаетъ два или три дѣтеныша заразъ. Причемъ сосутъ они ее по очереди, дожидаясь этой очереди на материнской спинѣ. Что замѣчательно, это то, что самцы помогаютъ самкамъ ухаживать за дѣтми, таская ихъ на спинѣ. Этого нельзя замѣтить ни у одной изъ другихъ обезьянъ. Вѣроятно происходитъ это отъ того, что у остальныхъ обезьянъ самка рождаетъ только одного ребенка и уходитъ за

нимъ не особенно ее отягощаетъ. Тогда какъ три младенца должны были бы совершенно измучить свою крошечную мать. Молодые при рожденіи бываютъ величиной съ домашнюю мышь.

Самыми опасными и злыми врагами игрунковъ являются хищныя птицы, такъ какъ отъ нихъ обезьянка почти не можетъ спастись. Человѣкъ тоже довольно опасный и жестокой ихъ врагъ; онъ преслѣдуетъ обезьянокъ не ради полевности, а ради забавы, хотя мясо ихъ нѣкоторыми и употребляется въ пищу, а шкурка обрабатывается для шапокъ. Ловятъ и молодыхъ и старыхъ. Первыхъ отнимая отъ убитой матери, а вторыхъ подстрѣливая отравленными стрѣлами и вылечивая потомъ, чтобы томить всю жизнь въ неволѣ. Ловятъ ихъ также и вершами. Вершу наполняютъ плодами любимыми обезьянками и вѣшаютъ на дерево. Обезьянка, чуя запахъ плода, забирается въ вершу и остается тамъ, дѣлаясь потомъ добычей охотника. Такимъ способомъ удается иногда поймать сразу нѣсколько штукъ.

Въ неволѣ игрунки первое время бываетъ очень докучлива и непріятна. Она всѣхъ пугается, пицить и боится даже сначала принимать пищу. Но скоро она привыкаетъ къ своему хозяину, привязывается къ нему и дѣлается совершенно ручной. Жены индѣйцевъ носятъ ихъ обыкновенно въ волосахъ и звѣрки сидятъ уцѣпившись за волосы, принимая ихъ за шерсть матери. Когда обезьянки вырастаютъ, то перемѣщаются за пазуху своихъ заботливыхъ хозяекъ. Въ звѣринцахъ маленькихъ игрунковъ обыкновенно отдають на воспитаніе ка-

койнибудь изъ обезьянъ крупной породы. Приемныя матери, всегда бываютъ очень нѣжными и заботливыми по отношенію къ своимъ питомцамъ, а тѣ въ свою очередь отвѣчаютъ имъ любовью и полнымъ довѣріемъ.

Игрунка умѣетъ вообще цѣнить ласку, и чѣмъ, обращающіеся люди или обезьяны, съ ней ласковѣе, тѣмъ и она нѣжнѣе къ нимъ. Привязавшись къ своему хозяину, игрунка выражаетъ неудовольствіе, если кто либо изъ чужихъ прикасается къ нему или трогаетъ его вещи.

Кормятъ игрунокъ, главнымъ образомъ, сладкими плодами, и въ этомъ, по всей вѣроятности, нужно искать причину недолговѣчности тѣхъ изъ нихъ, которыя попали въ неволю. На свободѣ игрунка кромѣ растеній питается также и разной мелкой живностью вродѣ мушекъ и жучковъ. Гдѣ ее пускаютъ гулять на свободѣ, тамъ она выживаетъ долго, такъ какъ охотится за этими жучками. Холодъ ей почти не вредитъ и игрунка попавшая къ намъ уживается иногда довольно долго, если пища подбирается правильно. Всѣхъ игрунокъ въ настоящее время дѣлятъ на двѣ породы: на имѣющихъ гриву или львиныхъ и на шелковистыхъ безъ гривы, но съ волосистыми пучками на головѣ. Есть и такія, которыя стоятъ по срединѣ между той и другой породой.

Настоящая львиная игрунка живетъ въ плодородныхъ жаркихъ равнинахъ. Этотъ небольшой всего въ 4 вершка длины звѣрекъ имѣетъ необычайно живой и веселый нравъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ эта обезьянка страшно лужава и вепильчива. Если

ее разсердить, то у нея надувается шея, волосы гривы приподымаются и она дѣлается похожей на разсерженного африканскаго льва, только въ ма-

Рис. 11. Розалия.

ленькомъ игрушечномъ видѣ. На родинѣ львиная игрунка пользуется большой любовью и ихъ можно встрѣтить въ любой хижинѣ индѣйца, гдѣ онѣ замѣняютъ нашихъ котятъ.

Очень похожи на львиную игрунку Розалия;

(рис. 11) только послѣдняя на вершокъ длиннѣе первой. Встрѣчается она въ небольшомъ количествѣ въ первобытныхъ лѣсахъ въ сѣверовосточномъ углу Южной Америки. По образу жизни эта игрунка ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ другихъ родичей. Также, какъ и всѣ игрушки она пуглива, вспыльчива и педовѣрчива. Хозяина своего научается узнавать довольно скоро и предпочитаетъ его другимъ лицамъ. Сколько бы всѣтаки не жила эта обезьянка среди людей и въ домашней обстановки, новый предметъ, новое лицо всегда вызываетъ у ней испугъ; она приподымаетъ гриву; скалитъ зубы, какъ будто бы желая придать себѣ страшный видъ, а сама всегачи задомъ отстучаетъ въ темный уголь.

Самецъ и самка живутъ между собой необычайно дружно, ссоръ не бываетъ почти никогда. Въ клѣткѣ оба они сидятъ рядомъ, ѣдятъ изъ одной плошки и мирно спятъ вмѣстѣ въ одномъ гнѣздышкѣ. Кормятъ ихъ варенымъ рисомъ, плодами и хлѣбомъ, размоченномъ въ молоко. Непременно также пужно давать мясо, жуковъ, червей и пр., такъ какъ въ противномъ случаѣ онѣ долго не выживаютъ.

Слѣдующіе виды игрунокъ: Тамарины и Пянче начинаютъ уже терять наружныя свойства львиныхъ игрунокъ. Гривы у нихъ нѣтъ, а вмѣсто нея на головѣ длинныя волосы, падающіе на лобъ и на затылокъ. Это очень рѣдкія животныя, встрѣчающіяся въ сѣверо-западной части Южной Америки. О жизни ихъ мало извѣстно, такъ какъ ихъ нѣлко приходилось встрѣчать. Замѣчательнѣ

только ихъ голосъ, похожій на голосъ птицы или звука флейты (рис. 12).

За нами идутъ уже настоящія шелковистыя игрушки не имѣющія совершенно гривы и длинныхъ

Рис. 12. Пянче.

волосъ, только за ушами у нихъ сохранились волосистыя пучки. Называютъ шелковистыхъ игрунокъ также „Уитстити“. Ихъ довольно много и породы ихъ отличаются другъ отъ друга по цвѣту шерсти, но жизнь и привычки у всѣхъ почти одинаковы. Живутъ онѣ въ лѣсахъ восточнаго берега Южной Америки и пользуются покровительствомъ мѣстныхъ жителей. Ихъ можно встрѣтить небольшими обществами на низкихъ деревьяхъ и кустахъ, на которыхъ они бѣгаютъ, суетсяя, свистятъ и щебечуть, какъ маленькія птички. Днемъ они постоянно двигаются и рыскаютъ по лѣсу, отыскивая различные плоды, жуковъ и пауковъ. Ночью сидятъ смиренно и спятъ съжавшись и покрывши

голову своимъ хвостомъ. Къ намъ Уитетити пона-
даютъ чаще другихъ игрунокъ (рис. 13) и на-
столько хорошо выносятъ неволю, что часто спа-

Рис. 13. Вверху Серебряная обезьяна. Внизу свѣтлый, а на-
право темный уитетити.

риваются и рожаютъ дѣтей. Рождается у нея
всегда нѣсколько, но выживаетъ только одинъ.
Беременность продолжается около трехъ мѣсяцевъ

ОБЕЗЬЯНЫ СТАРАГО СВѢТА

(УЗКОНОСЫЯ)

А. ВРЕМЯ

Передѣлано М. Н. Я.

Въ двухъ частяхъ. Съ 22 рисунками.

Изданіе Книжного Склада П. К. ПРЯНИШНИКОВА.

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ.
(12,150 экз.).

№ 28.

МОСКВА.

Типо-Литографія Д. А. Бопчъ-Бруевича, Мясницкая, Козловскій пер., д. Прянишникова,
1895.

Дозволено цензурою. Москва, 12 ноября 1894 г.

Вступленіе.

Трудно теперь найти на землѣ такой уголокъ, куда бы не ступала нога человѣка. Ни страшная глубина моря, ни высота горъ не останавливаетъ его.

Ужъ проходить караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы,
Да цари—орлы!

Много соенъ и даже тысячъ лѣтъ должно было пройти и много медленнаго и упорнаго труда долженъ былъ потратить человѣкъ, прежде чѣмъ ему удалось побѣдить всѣ препятствія. Самой трудной препоной для передвиженія являлось море съ его безбрежной шириной и бездонной пучиной; и если смѣльчаки и рѣшались пускаться въ море, то держались ближе къ берегамъ и плавали ночью, направляя свой путь по звѣздамъ.

Въ открытое море никто не рѣшался пускаться, такъ какъ не надѣялся вернуться оттуда. Поэтому понятно, что только сосѣднія земли и были извѣстны нашимъ дѣдамъ.

Гдѣ жили въ тѣ стародавнія времена наши дѣды? Насколько мы теперь можемъ узнать, они жили не тамъ, гдѣ мы живемъ, а въ странѣ, лежащей

на восходъ солнца отъ насъ, называемой **Азіей**. Да и Азію не всю они занимали, а только ея полуденную часть. Здѣсь появились первые ученые, первые торговцы и первые мореплаватели. Сосѣдними съ ними странами были страны, гдѣ мы теперь живемъ, называемая **Европой** и, лежащая на полдень отъ насъ, **Африка**. Въ эти страны дѣды могли и сухимъ путемъ понасть да и на кораблѣ легко было проплыть и поэтому они ужъ давно стали извѣстны людямъ и называются **Старымъ Свѣтомъ**.

Но вдругъ одному ученому удалось замѣтить, что если намагнитить ¹⁾ стальную стрѣлку и помѣстить ее на кончикѣ гвоздика (рис. 1), то какъ бы ее ни

Рис. 1.

вертѣли, она всегда остановится въ одномъ направленіи, а именно одинъ конецъ ея будетъ смотрѣть въ ту сторону, гдѣ солнце бываетъ въ полдень, а другой въ ту, гдѣ мы солнца никогда не видимъ. Подувивъ въ руки эту стрѣлку, человекъ пересталъ

¹⁾ Въ Уральскихъ горахъ есть камень, который называютъ магнитнымъ желѣзнякомъ; изъ него вытапливаютъ желѣзо. Если къ этому камню поднести стальныя или желѣзныя опилки, то онѣ пристанутъ къ нему. Если объ него потереть кусокъ стали, то и кусокъ этотъ станетъ притягивать опилки. Это и значитъ намагнитить.

бояться безбрежности моря. Онъ уже не заблудится въ немъ, такъ какъ стрѣлка укажетъ ему полдень, а узнать другія стороны онъ съумѣетъ. Станетъ лицомъ на полдень и съ лѣва у него будетъ восходъ, а съ права заходъ солнца. Зная, что все время, напримѣръ, онъ ѣхалъ на заходъ, онъ повернетъ на восходъ и вернется домой. Да и править кораблемъ ему легче стало: стрѣлка покажетъ, если онъ свернетъ съ нужнаго пути. Число мореплавателей по этому страшно увеличилось и скоро было открыто много новыхъ странъ. Эти страны названы **Новымъ Свѣтомъ**.

ЧАСТЬ I.

Человѣкообразныя обезьяны.

Обезьяны съ самыхъ древнихъ временъ обращали на себя вниманіе тѣхъ народовъ, которымъ приходилось встрѣчаться съ ними. Арабы— народъ, живущій въ жаркихъ странахъ, гдѣ обезьянъ очень много, считали ихъ за потомковъ нечестивыхъ людей. По ихъ понятіямъ эти нечестивцы за свои грѣхи превращены были въ обезьянъ. Поэтому же они должны вѣчно носить въ себѣ отвратительное соединеніе человѣческаго подобія съ бѣсовскою внѣшностью. Другой народъ, жившій по сосѣдству съ Арабами, Египтяне, считалъ ихъ за боговъ и молился на ихъ изображенія. Мы считаемъ теперь обезьянъ за звѣрей, по своему строенію очень похожихъ на человѣка. У нѣкоторыхъ изъ нихъ это сходство такъ велико, что они даже названы человѣкообразными. Дѣйствительно, если вы посмотрите на скелетъ человѣка и одной изъ этихъ человѣкообразныхъ обезьянъ— **Гориллы**, то найдете очень мало разницы (рис. 2).

Взгляните на это изображеніе и вы увидите, что руки у обезьяны длиннѣе, а ноги короче, чѣмъ у

Рис. 2. Налѣво костякъ человѣка. Направо костякъ одной изъ человѣкообразныхъ обезьянъ — гориллы. ♀ черепъ самки гориллы; ♂ черепъ самца гориллы.

человѣка; хвоста совсѣмъ нѣтъ. Съ перваго взгляда ноги и руки обезьянъ имѣютъ большое сходство

между собой; вотъ почему ихъ называли четверо-рукими; но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Если вы приглядитесь повнимательнѣй къ костяку чело-вѣка и обезьяны и сравните ихъ, то увидите что ноги обезьянъ похожи больше на ноги чело-вѣка, чѣмъ на свои руки. Отличаются они только отъ чело-вѣческой ноги тѣмъ, что у чело-вѣка всѣ паль-цы поставлены въ одинъ рядъ, а у обезьяны боль-шой палецъ смѣщенъ, какъ на рукѣ и короче дру-гихъ (рис. 3). Шея гораздо короче чело-вѣческой. Го-

Рис. 3. Пальцо ступня Гориллы. Направо кисть ея руки.

лова обезьяны какъ будто сидятъ въ самыхъ плечахъ; особенно это замѣтно спереди, такъ какъ громадная нижняя челюсть у обезьяны сильно выдается впе-редъ. На головѣ, кромѣ сильно выдавшейся челюсти, особенно можетъ поразить то, что у обезьяны лобъ

какъ-бы вдавленъ внутрь головы, тогда какъ у че-ловѣка онъ выпуклъ.

И не только костякъ, но и сама обезьяна сильно походить на чело-вѣка; особенно лицо. Тѣло у обезьяны все покрыто густыми волосами, но ли-цо всегда остается голымъ такъ же какъ и рука. Если бы поставить въ рядъ бѣлаго чело-вѣка, ка-кого-нибудь дикаря, напр. Бушмена и Гориллу, то не скоро опредѣлишь, гдѣ больше разницы: между бѣлымъ чело-вѣкомъ и дикаремъ или между дика-ремъ и обезьяной. Но если переходить отъ чело-вѣкообразныхъ обезьянъ къ другимъ обезьянамъ и звѣрямъ, то можно постепенно прослѣдить, какъ это сходство все уменьшается и уменьшается и почти совсѣмъ исчезаетъ.

Начнемъ съ самой большой изъ чело-вѣкообраз-ныхъ обезьянъ — Гориллы, называемой также лѣснымъ чело-вѣкомъ. Они населяютъ лѣса Африки.

Первыя свѣдѣнія о Гориллахъ доставилъ между прочимъ одинъ морякъ-торговецъ по фамилии Ло-пецъ и солдатъ Баттель, жившіе лѣтъ триста тому назадъ въ мѣстахъ, гдѣ водится горилла. Описывая эти мѣста, одинъ изъ нихъ говоритъ: лѣса до того кишатъ навіанами, мартишками (также обезьяны) и попугаями (птицы), что всѣ боятся путеше-ствовать въ нихъ; больше всего при этомъ опасаются двухъ чудовищъ, живущихъ въ этихъ лѣсахъ и въ высшей степени опасныхъ. Самое большое изъ нихъ, люди, живущіе тамъ, называютъ „Понго“ (рис. 4).

Понго сложенъ, какъ чело-вѣкъ и лицомъ похожъ

Рис. 4. Семья Гориллы на отдыхѣ въ лѣсу.

на него; громадный ростъ, впалые глаза, защищенные пучками длинныхъ волосъ, дѣлають его похожимъ скорѣе на великана; лицо, уши и руки лишены волосъ; тѣло, напротивъ, покрыто, хотя и неособенно густо, темными волосами. Отъ человѣка онъ отличается своими ногами, не имѣющими икръ. Онъ чаще всего ходитъ на ногахъ и, бѣгая по землѣ, складываетъ руки на затылкѣ. Спитъ онъ на деревьяхъ и строитъ себѣ навѣсы отъ дождя. Пища его состоитъ изъ орѣховъ и другихъ плодовъ, которые онъ находитъ въ лѣсахъ. Мяса не ѣстъ никогда. Говорить не можетъ и разума у него не больше чѣмъ у всякаго животнаго. Если тамошнимъ жителямъ, въ этихъ лѣсахъ случится ночью развести огонь, то поутру, какъ только они оставятъ мѣсто ночлега, тотчасъ-же являются Понго (гориллы), садятся у огня и сидятъ до тѣхъ поръ, пока онъ не потухнетъ; они не понимаютъ, что для поддержанія его нужно подкладывать дровъ. Понго часто собираются въ стада и убиваютъ немало негровъ. *) Часто также они нападаютъ на слоновъ, **) которые пасутся по близости, и такъ сильно колотятъ ихъ своими мощными кулаками, что онѣ съ ревомъ убѣгаютъ. Этихъ Понго никогда не удается поймать живыми, такъ какъ десять человѣкъ не въ состоянii удержать

*) Негры—это дикари, живущіе въ Африкѣ. Кожа у нихъ темнаго цвѣта; волосы густые, курчавые черные, скулы выдвигаются впередъ. Губы толстыя и темно-краснаго цвѣта, а зубы отличаются своей бѣлизной.

**) Слонъ это самое большое изъ нынѣ живущихъ живот-

одного изъ нихъ; зато дѣтенышей ихъ часто убиваютъ отравленными стрѣлами. Когда кому-нибудь удастся убить самку, то ему достается и дѣтенышъ, который крѣпко держится за тѣло матери и не хочетъ ее оставить даже при видѣ людей, самыхъ страшныхъ и опасныхъ для него враговъ. Если одно изъ этихъ чудовищъ умираетъ, то остальные покрываютъ его кучей вѣтокъ и хвороста, и такихъ кучъ въ лѣсахъ встрѣчается множество.

Много и другихъ путешественниковъ послѣ описывали гориллъ и рассказывали объ ихъ нравахъ, но изъ всѣхъ свѣдѣній, доставленныхъ прежними путешественниками, больше всего повидимому можно положиться на свѣдѣнія, доставленные В. Ридомъ. „Путешествуя въ странѣ гориллъ,“ говоритъ онъ, „я освѣдомлялся въ каждомъ селеніи, гдѣ оставливался на ночлегъ о томъ, не окажется-ли тамъ негра, которому случилось убить гориллу. Если на мое счастье таковой находился, то его приводили ко мнѣ и я черезъ переводчика разспрашивалъ его о нравахъ и привычкахъ этихъ обезьянъ. Этому правилу я держался вездѣ, гдѣ можно было встрѣтить гориллъ. Тѣ же вопросы предлагалъ я и певольникамъ, уроженцамъ средней Африки, которые находились при своихъ хозяевахъ въ качествѣ охотниковъ. Сравнивъ всѣ полученные свѣдѣнія, я удержалъ лишь то, что подтверждалось охотниками разныхъ странъ.“ Вотъ почему и было сказано, что этому путешественнику можно вѣрить больше чѣмъ другимъ.

Горилла, по этимъ показаніямъ, любитъ полумракъ

густыхъ лѣсовъ. Бѣгаетъ онъ на четверенькахъ и его можно встрѣтить или одного или иногда въ сопровожденіи самки и дѣтенышей. Онъ срываетъ съ деревьевъ вѣтви и листья, находящіеся надъ землей на доступной ему высотѣ, или влѣзаетъ на деревья, чтобы полакомиться плодами. Есть травы особенно любимыя гориллами. По утрамъ и вечерамъ онъ посѣщаетъ огороды и сады селеній и поѣдаетъ бананы и сахарный тростникъ. Ночью онъ выбираетъ дерево для ночлега. Когда самка беременна, самецъ строитъ на высотѣ 3—4 сажени надъ землею логовище изъ сухихъ прутьевъ и вѣтвей, которые натаскиваетъ руками. Здѣсь самка родитъ своего дѣтеныша и покидаетъ гнѣздо.

Во время течки самцы дерутся изъ-за самокъ, что видѣли многіе путешественники. Изъ этого можно заключить, что гориллы не живутъ парами, а если и сходятся, то на время, пока не родится и не вырастетъ ребенокъ; послѣ чего они мѣняють подругу живни.

Обыкновенно крикъ гориллы жалобенъ; приведенный въ ярость онъ, напротивъ, издаетъ рѣзкій хриплый лай, похожій на ревъ тигра. По мнѣнію свѣдущихъ охотниковъ, горилла, не будучи раздраженъ человѣкомъ, никогда не нападаетъ на него. „Не трогайте его,“ говорятъ они, и онъ васъ не тронетъ. Если же неожиданно потревожишь его во время ѣды или сна, онъ круто обарачивается, устремляетъ свой пристальный взоръ на человѣка и испускаетъ негодующій жалобный крикъ. Если ружье охотника даетъ осѣчку, или обезьяна будетъ только

рапена, то она или обращается въ бѣгство, или съ яростью во взорѣ, съ отвисшей губой и приподнявшимся пучкомъ волосъ на головѣ, бросается на противника. Бѣгаетъ горилла нескоро и охотникамъ часто удается убѣжать отъ него; нападаетъ онъ всегда на четверенкахъ, хватаетъ досадившій ему предметъ, подноситъ ко рту и кусаетъ его. Говорятъ при этомъ, что онъ прокусываетъ дуло ружья, какъ и всякое большое животное, обладающее крѣпкими зубами и челюстями, особенно, если ружье плохое, изъ дешевыхъ. Разказы о томъ, что горилла убиваетъ людей, въ большинствѣ случаевъ, преувеличены. Охотникъ, укушенный гориллой въ руку, разказывалъ, что когда онъ хотѣлъ стрѣлять въ гориллу, то тотъ подбѣжалъ къ нему на четверенкахъ, схватилъ кисть руки, укусилъ и убѣжалъ. Рука эта была совершенно искалѣчена и на кисти еще видѣлись слѣды зубовъ гориллы. Вообще горилла менѣе опасенъ и свирѣпъ, чѣмъ о немъ разказываютъ, такъ какъ охотники склонны часто преувеличивать и разказывать небывальщину.

По мнѣнію одного путешественника по фамиліи Копенфельса, собственноручно убивавшаго гориллъ, только одной трети туземныхъ охотниковъ, можетъ быть, удалось видѣть гориллу въ лѣсу. Этотъ же охотникъ говоритъ, что за исключеніемъ старыхъ нелюдимыхъ самцовъ, гориллы живутъ семейно и скитаются по лѣсамъ для отысканія пищи. Ведя, такимъ образомъ, бродячій образъ жизни, они почуютъ тамъ, гдѣ застапуть ихъ сумерки. Каждый вечеръ поэтому строятъ новое гнѣздо на большихъ

деревьяхъ сажени на двѣ или на три отъ земли. Гнѣздо это, на подобіе журавлинаго, расположено на первомъ развѣтвленіи болѣе толстыхъ сучьевъ и сложено изъ зеленыхъ вѣтвей. Дѣтеныши, а часто и мать ихъ проводятъ ночь въ гнѣздѣ, а отецъ сидитъ скорчившись у подножія ствола и прислонясь къ нему спиной, такимъ образомъ онъ охраняетъ свою семью отъ нападенія леопардовъ. Въ сухое время года, когда въ лѣсу недостаетъ пищи и воды, горилла дѣлаетъ набѣги на огороды селеній и производитъ въ нихъ страшныя опустошенія, такъ что поселенцы вынуждены бываютъ выставять стражу, которая бы выстрѣлами прогоняла гориллъ. Этотъ же охотникъ заявляетъ, что горилла никогда не нападаетъ на человѣка, пока его не тронуть. Если, однако, внезапно потревожить гориллу, говоритъ онъ, то тотъ приподнимается на ноги, издаетъ изъ глубины груди отрывистый, не то рычащій, не то хрюкающій ревъ, который передать невозможно, и колотитъ себя своими громадными кулаками по груди; при этомъ онъ скрежещетъ зубами, лицо его принимаетъ самое свирѣпое выраженіе и волосы на лбу и на затылкѣ шевелятся и становятся дыбомъ. Приведенный въ бѣшенство старый горилла представляетъ ужасающій видъ. Раненый онъ бросается на стрѣлка и убѣжать отъ него очень трудно. Этотъ Копенфельсъ первый разъ убилъ гориллу въ Рождество 1874 г. Онъ всталъ не подалеку отъ большого дерева, называемаго по мѣстному „кайя“, плоды котораго очень любятъ гориллы и возлѣ котораго онъ на-

шелъ нѣсколько плодовъ помятыхъ ими. Больше часу пришлось ему стоять, прежде чѣмъ онъ услышалъ легкій трескъ и, выглянувъ изъ-за ствола, увидѣлъ семью гориллъ, состоящую изъ двухъ родителей и двухъ дѣтенышей, изъ которыхъ одинъ былъ совсѣмъ маленькимъ. Гориллы беззаботно собирали и ѣли плоды, причемъ мать больше всего заботилась о маленькомъ. Отецъ, напротивъ, не заботился ни о чемъ другомъ, кромѣ утоленія собственнаго голода. Когда самка полѣзла на дерево, чтобы натрасти новыхъ плодовъ, самецъ отправился спокойно къ ручью напиться. Тутъ то и настигла его пуля. Дѣти, увидавъ мертваго отца и оглушенные выстрѣломъ, испустили отрывистый крикъ и бросились въ чащу; мать, прыгнувъ съ дерева, отправилась туда же.

Вскорѣ этотъ охотникъ убилъ другого гориллу, самаго большого изъ всѣхъ видѣнныхъ имъ. Онъ вѣсилъ около 12 пудовъ и ростомъ былъ около сажени.

По этимъ рассказамъ мы можемъ себѣ составить довольно точное понятіе о гориллѣ, хотя они часто противорѣчатъ другъ другу. Такъ, если вы помните, одинъ говоритъ, что горилла бѣгаетъ тихо, другой, — что очень быстро; по показаньямъ одного онъ нападаетъ стоя, по другому — на четверенькахъ и т. д. Это происходитъ потому, что здѣсь рассказчиками являются путешественники, охотники, солдаты, матросы и всѣ они передаютъ только то, что видѣли и слышали. Гориллы, очевидно, нравомъ и характеромъ не похожи другъ на друга, какъ и люди:

есть добрые, есть злые, есть храбрые, есть трусливые, каждый изъ этихъ путешественниковъ видѣлъ одного, двухъ гориллъ и по этимъ примѣрамъ описывалъ гориллъ вообще; другой видѣлъ гориллъ другого характера и описывалъ по своему. Очень можетъ быть, что встрѣчались и такіе злые гориллы, особенно изъ старыхъ самцовъ, что бросались на человѣка и убивали его.

Долгое время не удавалось никакъ перевезти гориллу въ Европу, такъ какъ они обыкновенно умирали отъ разныхъ болѣзней на дорогѣ. Наконецъ, одному молодому нѣмецкому доктору удалось это сдѣлать. Ему подарили молодого гориллу.

Сначала докторъ кормилъ своего дикаго питомца лѣсными плодами и козьимъ молокомъ, но затѣмъ постепенно сталъ приучать къ плодамъ воздѣлываемыхъ растений и вскорѣ тотъ сталъ ѣсть все, что ѣлъ докторъ. Приучивъ его такимъ образомъ, докторъ перевезъ этого гориллу въ Европу.

Много занимательнаго рассказываютъ о жизни этого гориллы. Въ нѣсколько недѣль онъ совершенно привыкъ къ окружающей его обстановкѣ и людямъ и былъ вполне доволенъ своимъ положеніемъ, такъ что его рѣшались пускать почти безъ всякаго присмотра. Ни разу не приходилось его ни сажать на цѣпь, ни заирать, и если онъ нуждался въ присмотрѣ, то настолько, насколько вообще нуждаются въ немъ маленькія дѣти. Изъ дурныхъ качествъ его можно было отмѣтить упрямство.

Чувствуя себя совершенно безпомощнымъ въ этой новой для него обстановкѣ, онъ обнаруживалъ силь-

ную привязанность и доверчивость къ чловѣку. Сильное желаніе, страхъ или ужасъ онъ выражалъ своеобразными звуками. Когда былъ сильно доволенъ чѣмъ-нибудь, то принимался колотить себя въ грудь кулаками, становаясь при этомъ на заднія ланы, или хлопалъ въ ладоши, и подчасъ, кувыркаясь, шатаясь изъ стороны въ сторону и кружась на одномъ мѣстѣ, онъ исполнялъ такіе дикіе танцы, что окружающіе думали, что онъ какимъ-нибудь образомъ напился пьянъ. Особенно поражала ловкость его и осторожность во время ѣды; каждую чашку, каждый стаканъ онъ бралъ необычайно бережно, поднося сосудъ ко рту, обхватывалъ его обѣими руками и ставилъ тихо и осторожно, хотя никто и никогда не училъ его ни употребленію посуды, ни другимъ фокусамъ. Движенія во время ѣды были спокойны и приличны; онъ бралъ лишь столько, сколько могъ захватить большимъ, третьимъ и указательнымъ пальцами и не злился, если брали что-нибудь изъ наваленныхъ передъ нимъ кучъ корма. Если же ему ничего не давали, то онъ ворчалъ, пристально глядѣлъ съ своего мѣста за каждымъ блюдомъ, подаваемымъ на столъ, кашлялъ, когда уносили какую-либо тарелку со стола и старался даже поймать прислугу, если она проходила мимо него. Пилъ онъ всасывая губами жидкость или поднося сосудъ ко рту, но никогда не запускалъ въ жидкость рукъ и не опрокидывалъ сосуда. Замѣчательна была его чистоплотность: попавъ случайно рукой въ паутину или грязь, онъ съ смѣшнымъ отвращеніемъ старался освободиться

отъ этого, или протягивалъ руки, чтобы ему вымыли ихъ. Равнымъ образомъ онъ отличался полнѣйшимъ отсутствіемъ своеобразнаго запаха и очень любилъ играть и плескаться въ водѣ. Впрочемъ, искупавшись, онъ мокрый часто начиналъ кататься въ песокѣ и играть съ другими обезьянами. Когда его наказывали, то онъ никогда не сердился, напротивъ того, приходилъ къ наказавшему его съ просящимъ видомъ, обхватывалъ ноги и глядѣлъ кверху съ такимъ выраженіемъ, что обезоруживалъ всякій гнѣвъ; вообще, если онъ хотѣлъ чего-либо достигнуть, то ни одинъ ребенокъ не могъ настоятельно и вкрадчиво его выразить свои желанія. Если же, несмотря на это, онъ не получалъ чего просилъ, то прибѣгалъ къ хитрости и зорко смотрѣлъ, не слѣдятъ ли за нимъ. Если, напримѣръ, ему не позволяли выйти изъ комнаты и всѣ его попытки настоять на своемъ были отклонены, то онъ дѣлалъ видъ, что покоряется своей участи и спокойно ложился недалеко отъ двери, потомъ, тщательно озираясь, перекатывался съ боку на бокъ. Достигнувъ, такимъ образомъ, порога, осторожно вставалъ на ноги, взглядывалъ наверхъ и, перескочивъ черезъ порогъ однимъ прыжкомъ, убѣгалъ галопомъ, такъ что трудно было слѣдовать за нимъ. Когда ему хотѣлось полакомиться сахаромъ или фруктами, которые хранились въ шкафу, то онъ бросалъ игру, шель совершенно въ другую сторону и, когда думалъ, что за нимъ не смотрятъ, спѣшилъ прямо въ комнату къ шкафу, отворялъ его и быстро запускалъ руку въ сахарницу или въ

фрукты; иногда даже при этой продѣлкѣ онъ притворялся за собою дверь шкафа, затѣмъ преспокойно съѣдалъ свою добычу, или будучи замѣченъ, убѣгалъ съ нею. Любилъ онъ очень стучать по пустымъ внутри предметамъ и, проходя мимо бочекъ рѣдко пропускалъ случай, чтобы не побарабанить по нимъ. Незнакомыхъ звуковъ, какъ напримѣръ звукъ грома, онъ страшно боялся и у него даже отъ страха дѣлался поносъ. На пятый мѣсяцъ своего пребывания у доктора онъ захворалъ и проболѣлъ 4 недѣли. Когда его привезли въ Европу, то онъ началъ кашлять и черезъ полтора года умеръ отъ чахотки, сопровождаемой болѣзнями желудка. По вскрытіи его трупа оказалось, что кромѣ главныхъ болѣзней у него было нѣсколько другихъ, но всѣ эти болѣзни онъ перенесъ счастливо и, если бы не чахотка, то остался бы живъ. За все время пребывания въ неволѣ онъ выросъ вершка на три и прибавился въ вѣсѣ фунтовъ на восемнадцать. Вотъ какъ описываетъ этого гориллу управляющій звѣринцемъ въ Берлигѣ, столичномъ городѣ нѣмцевъ. Горилла самая высокопоставленная изъ челоѣкообразныхъ обезьянъ и выказываетъ это по наружности. Нашъ горилла (рис. 5), говоритъ онъ, ростомъ почти полтора аршина. Тѣло его покрыто мягкими, какъ шелкъ, сѣрыми волосами, а на головѣ волосы рыжеватые. Его плотное коренастое тѣло, сильныя мускулистыя руки, блестящее черное лицо съ красивыми ушами, большіе умные насмѣшливые глаза, все это придаетъ ему поразительное сходство съ челоѣкомъ. Его движенія напоминаютъ движенія

Рис. 5. Различныя положенія молодого Гориллы проживавшаго въ Берлигѣ.

неуклюжаго мальчугана. Когда, возсѣдая на стулѣ, онъ смотритъ на любующуюся имъ публику, потомъ вдругъ ударяетъ въ ладоши, сопровождая это движеніе кивкомъ головы, то всѣ приходятъ въ восхищеніе отъ маленькаго гориллы, до того онъ напоминаетъ милаго капризнаго, хитраго ребенка. Онъ охотно бываетъ въ большомъ обществѣ, отличается стараго отъ малаго, мушину отъ женщины. Съ маленькими дѣтьми онъ дѣлаетъ съ собой что угодно. Съ болѣе взрослыми дѣтьми онъ обращается хуже, хотя охотно играетъ съ ними, бѣгаетъ въ запуски вокругъ столовъ или стульевъ, которые часто опрокидываетъ и при этомъ шутя даетъ тумака то тому, то другому, иногда же пускаетъ въ ходъ и зубы. Когда женщины берутъ его на руки, онъ относится къ нимъ съ величайшей благодарностью, обнимаетъ ихъ и, прислонившись къ плечу, охотно остается долгое время у нихъ на колыбельхъ. Въ общей клѣткѣ для обезьянъ онъ играетъ охотно и здѣсь является повелителемъ, а всѣ другія обезьяны ему подчиняются. Съ шимпанзе *) онъ обращается, какъ съ равнымъ себѣ и постоянно выбираетъ его въ товарищи для игры и, хотя немного грубо подчасъ, но ласкаетъ его, тогда какъ съ маленькими обезьянами онъ обращается безъ всякой жалости. Онъ хватаетъ шимпанзе и, держа его крѣпко, валяется съ нимъ по землѣ. Если тому удастся вырваться, то горилла, какъ неловкій мальчикъ,

*) Шимпанзе тоже челоѣкообразная обезьяна, стоящая ступеню ниже гориллы.

падаетъ съ вытянутыми впередъ руками на землю. Будучи въ хорошемъ расположеніи духа, которое, впрочемъ, рѣдко покидаетъ его, онъ высовываетъ кончикъ своего краснаго языка. Похожій на челоѣка горилла ведетъ челоѣческой образъ жизни, понятно не на свободѣ, а въ неволѣ. Въ восемь часовъ утра онъ поднимается на своей постели, садится на нее прямо, зѣваетъ, почесываетъ различныя мѣста своего тѣла и остается заспаннымъ безучастнымъ до тѣхъ поръ, пока не дадутъ ему молока, которое пьетъ изъ стакана. Тогда уже, разгулявшись, онъ покидаетъ постель, ходитъ по комнатѣ, при чемъ обязательно что-нибудь сломаетъ, выглядываетъ въ окно, хлопаетъ въ ладоши и играетъ со сторожемъ. Сторожъ всегда при немъ, такъ какъ горилла не можетъ остаться одинъ ни на минуту и какъ только сторожъ уходитъ, начинаетъ издавать рѣзкіе крики. Въ 9 часовъ его моютъ, что онъ очень любитъ и отъ радости хрюкаетъ. Живя постоянно со сторожемъ онъ ѣсть вмѣстѣ съ нимъ. Къ завтраку получаетъ нѣсколько сосисекъ или кусокъ хлѣба съ масломъ, ветчиной, сыромъ или чѣмъ-нибудь другимъ, при этомъ онъ выпиваетъ, съ большимъ удовольствіемъ, стаканъ свѣтлаго пива. Плоды онъ ѣсть охотно и изъ нихъ вынимаетъ косточки. Въ часъ жена сторожа приноситъ ему обѣдъ. Когда онъ жилъ въ квартирѣ директора, то съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ этого часа. Онъ сильно волновался, если хозяинъ опаздывалъ къ обѣду и когда раздавался звонокъ, то самъ отворялъ дверь. За обѣдомъ его заставляли вести себя чинно и онъ довольно ловко управлялся

ложкой; но если надзоръ за нимъ ослабляли, то онъ тотчасъ же лѣзъ мордой прямо въ блюдо; всего охотнѣе онъ съѣдалъ кусокъ жирной курицы. Послѣ обѣда любилъ отдохнуть и, проспавъ часа полтора, снова начиналъ играть. Послѣ обѣда ему давали плоды, и вечеромъ молоко, или чай и хлѣбъ съ масломъ. Въ 9 часовъ онъ ложился спать, причѣмъ сторожъ сидѣлъ возлѣ него, пока горилла не заснетъ. Всего охотнѣе спалъ онъ вмѣстѣ со сторожемъ, причѣмъ обнималъ его и клалъ на плечо голову. Спалъ спокойно и просыпался только на другой день въ 8 часовъ утра. Во время жизни въ Берлинѣ онъ часто хворалъ и въ это время былъ очень сердитъ. Попробовавъ горькой хины, онъ всякій разъ, когда ему хотѣли дать ее, закрывалъ голову одѣяломъ. Звали эту обезьяну „Мпунгу“. Кромѣ него въ Европѣ больше не было гориллъ.

Шимпанзе. Уже было упомянуто о другой чело-
вѣкообразной обезьянѣ шимпанзе. Этотъ шимпанзе значительно менѣе, чѣмъ горилла, хотя все-таки старые самцы достигаютъ 2 аршинъ и 5 вершковъ, а самки 1 аршина и 13 вершковъ. Голова имѣетъ форму шара (рис. 6), но приплюснутаго. Продольный гребень на головѣ, отличающій самца гориллы, у шимпанзе не развивается. Дуги надъ глазами не вздуты. Челюсти выдаются и зубы наклонены впередъ, носъ плоскій и вдавленный. Кости стройны и красивы и костякъ шимпанзе очень похожъ на костякъ чело-
вѣка. Щеки шимпанзе морщинисты, грязно-желтаго тѣлеснаго цвѣта, который въ старости получаетъ черно-бурый грязновато-черный

Рис. 6. Голова Шимпанзе.

пятнистый налетъ; тоже самое замѣчается на ушахъ, рукахъ и ногахъ и отчасти на кожѣ тѣла. Ухо у шимпанзе большое и не похоже на чело-
вѣческое. Руки длинны и достигаютъ колѣна, но не особенно сильны, кулакъ тонкій и короткий. Средній палецъ самый длинный, икръ на ногахъ нѣтъ. На ступнѣ большой палецъ отдѣленъ отъ остальныхъ, пятки слабо развиты, почти круглыя, вышуклыя (рис. 7). Волосы не пушистые, на темени раздѣлены подборомъ (рис. 8). Подбородокъ покрытъ тон-

Рис. 7. Пальцо ступни шимпанзе. Направо кисть.

Рис. 8. Шимпанзе.

кими, короткими, бѣлыми волосами; ходитъ шимпанзе на четверенькахъ; при ходьбѣ пальцы на рукахъ онъ прижимаетъ къ ладони и опирается на землю тыльной стороной, ногами же онъ пользуется или также пригибая пальцы къ ступнѣ, или ступая всей ступней. На однѣхъ ногахъ онъ не можетъ долго держаться и при этомъ всегда ищетъ опоры для рукъ или закидываетъ ихъ за опрокинутую назадъ голову для равновѣсія.

Подъ это общее описаніе не всѣ шимпанзе въ точности подходятъ; какъ и люди, они не всѣ другъ на друга похожи; это обстоятельство заставило даже предполагать существованіе нѣсколькихъ породъ шимпанзе, но пока еще это предположеніе ничѣмъ не подтвердилось. Живутъ шимпанзе въ Африкѣ въ лѣсахъ, гдѣ строятъ себѣ большія гнѣзда на вершинѣ деревьевъ и прикрываютъ ихъ отъ дождя плотной крышей; за это искусство тамошніе жители прозвали шимпанзе именемъ Мбуве, что на нашъ языкъ значитъ обезьяна, строящая гнѣзда. Во время ночи самецъ сидитъ на деревѣ возлѣ гнѣзда своей семьи, а не у корня дерева, какъ это дѣлаетъ горилла.

Рѣдко можно встрѣтить шимпанзе большими стадами. Одинъ изъ путешественниковъ говоритъ, что въ стада они собираются только для игръ. Человѣка и его домовъ эти обезьяны боятся и стараются держаться подальше. Живутъ онѣ поэтому въ чащѣ лѣсовъ и хотя строятъ себѣ плотныя жилища, но постоянного мѣстожителства не имѣютъ и мѣняютъ его въ зависимости отъ того, гдѣ находятъ кормъ.

Къ сожалѣнію, намъ очень мало извѣстно о жизни шимпанзе на свободѣ, такъ какъ слѣдить за ними очень трудно и потому всё свѣдѣнія являются отрывистыми. Одинъ изъ охотниковъ случайно наткнулся на семью шимпанзе, отыскивая гориллъ. Напрасно онъ въ теченіи нѣсколькихъ дней осматривалъ многія мѣста, пока, наконецъ, однажды утромъ не услышалъ глухое ворчанье гориллы. Тотчасъ же, освободившись отъ лишнихъ вещей, онъ сталъ подкрадываться и вскорѣ увидѣлъ большую группу шимпанзе, срывающихъ плоды на высокихъ деревьяхъ, и въ отдаленіи самку гориллы. Боясь, чтобы его не замѣтили животныя, онъ легъ на землю и сталъ ползти; послѣ долгихъ стараній онъ достигъ группы папоротниковъ, за которые и спрятался. Шимпанзе были отъ него на разстояніи выстрѣла, но не ихъ онъ высматривалъ, а стараго самца гориллу, который былъ чуть виденъ изъ за вѣтвей. Чтобы достигнуть этого гориллы, охотникъ долженъ былъ сдѣлать большой обходъ, рискуя, что его замѣтятъ сверху зоркія шимпанзе. Въ то время, какъ онъ раздумывалъ, что ему дѣлать, невольно сталъ наблюдать за движеніемъ шимпанзе, и его поразила рассчитанная осторожность, съ которою обезьяны бѣгали на четверенькахъ по крайнимъ концамъ вѣтвей, срывая плоды. Когда вѣтви оказывались гибкими, то они свѣшивались спиной къ землѣ, схватывали каждой рукой и ногой другую вѣтвь и всякій разъ старались имѣть три опорныхъ точки, прежде чѣмъ свободной рукой хватались за плодъ, который съѣдали въ безопасныхъ мѣстахъ. Но скоро

охотникъ долженъ былъ прекратить свои наблюденія, такъ какъ на него напали муравьи. Онъ попышился удалиться оттуда, но предварительно сдѣлалъ выстрѣлъ и убилъ одного изъ шимпанзе. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ много шимпанзе, жители просто ненавидятъ ихъ за тотъ крикъ и вой, который они поднимаютъ по утрамъ и вечерамъ каждый день.

Шимпанзе не особенно силенъ, но для своей защиты часто вступаетъ въ бой съ человѣкомъ, причемъ старается обхватить руками противника, чтобы приблизить его къ себѣ и укусить. Кусается онъ больно, такъ какъ зубы и особенно клыки у него довольно велики. Это сильное развитіе клыковъ заставило думать, что шимпанзе ѣдятъ мясо, такъ какъ вы и сами можете замѣтить, что животныя, питающіяся мясомъ, всегда обладаютъ большими клыками, а у травоядныхъ, лошадей и коровъ, клыки не выдѣляются изъ остальныхъ зубовъ. Но въ виду того, что въ неволѣ шимпанзе отталиваетъ мясо, а потомъ только постепенно приучается его ѣсть, можно думать, что на свободѣ онъ нечасто ѣстъ мясо и клыки служатъ ему главнымъ образомъ для защиты.

Шимпанзе чаще всѣхъ другихъ челоѣкообразныхъ обезьянъ встрѣчается въ неволѣ, такъ какъ они очень не привередливы по своему нраву. Они кротки, общежительны, понятливы, исполняютъ много работы и скоро привыкаютъ дѣлать то же, что окружающіе люди: подаютъ при встрѣчѣ руку, расхаживаютъ, вмѣстѣ съ людьми, по комнатѣ; сидя за столомъ, прикрываются салфеткой и утираютъ

лю губы послѣ питья; сами наливаютъ себѣ вино, чокаются съ другими, наливаютъ себѣ чай, кладутъ въ него сахаръ и пьютъ, давши остынуть. Когда одну изъ этихъ обезьянъ поставили передъ зеркаломъ, то она сразу казалось ошѣмѣла отъ удивленія. Затѣмъ взглянула на своего хозяина, потомъ снова на зеркало, заглянула, нѣтъ ли кого за зеркаломъ, всматривалась въ свое изображеніе и ощущала зеркало. Вообще въ своемъ обращеніи шимпанзе такъ похожъ на человѣка, что почти забываешь въ немъ животное. Шимпанзе раздражаетъ человѣку, какъ ребенокъ раздражаетъ взрослому, но раздражаетъ чрезвычайно осмысленно. Онъ скоро начинаетъ понимать, что говорятъ окружающіе и самъ умѣетъ выражать свои чувства, хотя не словомъ, но звуками и его можно очень многому научить. Передъ человѣкомъ онъ подчиняется, а передъ животными считаетъ себя за высшее существо и не входитъ съ ними въ общеніе; большихъ боится, къ маленькимъ относится съ пренебреженіемъ. Къ птицамъ относится равнодушно, но сѣраго попугая, который былъ въ комнатѣ описываемаго шимпанзе онъ очень любилъ и игралъ съ нимъ, пугая его, хотя попугай привыкъ къ нему и нисколько не боялся его. Змѣй и всякихъ пресмыкающихся страшно боялся. Взрослыхъ людей уважаетъ, а съ дѣтьми, которыя часто его дразнятъ, онъ обращается съ особенной нѣжностью; къ маленькимъ внимателенъ больше всего, при чемъ дѣвочекъ любитъ больше чѣмъ мальчиковъ. Все окружающее очень интересуетъ шимпанзе и онъ все совнимаетъ

разсматриваетъ. Онъ хитеръ, своенравенъ, но не упрямъ, хотя всегда умѣетъ добиться своего. Позволяетъ надъ собой шутить, но прилично. Когда веселъ, то улыбается, и когда печаленъ, то жалобно воеетъ и корчитъ плаксивое лицо. Къ людямъ, ухаживающимъ за нимъ чувствуетъ глубокую признательность. Между окружающими выбираетъ себѣ друзей, но и ко всѣмъ относится хорошо, кто съ нимъ ласковъ. Онъ очень любилъ когда его хвалили, или дѣлали какой-либо подарокъ и, въ благодарность, протягивалъ руку и даже цѣловалъ. Онъ хорошо зналъ время, когда ему нужно было спать, и если надсмотрщикъ почему либо запаздывалъ, то шимпанзе выражалъ беспокойство. Всѣмъ этимъ штукамъ онъ выучился самъ, приглядываясь къ обстановкѣ. Когда его брали на руки, онъ укладывался на нихъ, какъ ребенокъ, склонялъ голову на грудь и чувствовалъ себя чрезвычайно довольнымъ. Когда его приводили въ комнату, то онъ усаживаясь на диванъ, просительнымъ выраженіемъ лица упрашивалъ своего надсмотрщика не оставлять его одного; если замѣчалъ, что надсмотрщикъ хочетъ уйти, то разными жестами старался выразить свою печаль: оттягивалъ губы, жалобно вскрикивалъ и обнималъ этого самого надсмотрщика. Не спалъ онъ до тѣхъ поръ, пока былъ свѣтъ въ комнатѣ и когда ему вечеромъ приносили чай, то онъ пожималъ припесшему руку и привѣтствовалъ его звукомъ: „О! О!“ Ълъ онъ, сидя на диванѣ и положивъ одну руку на столъ, а другой держалъ сосудъ. Жидкость выливалъ, а крошечп-

ные куски доставалъ ложкой; во время ѣды онъ слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлается въ комнатѣ. Послѣ ужина любилъ побаловаться: катался по комнатѣ или начиналъ вытирать и чистить ее, что онъ особенно любилъ. Когда тушили лампу, онъ тотчасъ же ложился въ постель, такъ какъ боялся темноты и засыпалъ. Ходилъ онъ большей частью на четверенькахъ, но особенно ловко лазилъ, причемъ главнымъ образомъ работалъ руками; вообще руки у него были чаще всего въ работѣ. Не долго пожилъ въ Европѣ тотъ шимпанзе, про котораго все это написано. Его привезли уже больнымъ. Во время болѣзни онъ сначала сильно капризничалъ и велъ себя совершенно такъ, какъ больной ребенокъ. Докторъ, который былъ приглашенъ для лѣченія, засталъ его закутавшимся по голову въ свое одѣяло и лежащимъ на постели спокойнымъ, безучастнымъ ко всему, что кругомъ происходило; на лицѣ было выражено глубокое страданіе. Не сразу докторъ пріобрѣлъ довѣріе своего чудного больного и могъ его осмотрѣть, но постепенно ему удалось это сдѣлать. Для лѣченія необходимо было сдѣлать разрѣзъ на шеѣ; для этого его хотѣли усыпить передъ операціей, но не удалось. Рѣшили держать силой, но онъ всѣхъ раскидалъ и только ласками удалось его убѣдить согласиться на разрѣзъ. Онъ подчинился и во время операціи даже не кричалъ, а потомъ, когда получилъ облегченіе страшно радовался и выражалъ всячески свою благодарность и признательность. Но въ то время, когда залѣчивалась рана

на шеѣ отъ разрѣза, у шимпанзе развивалась другая болѣзнь: воспаленіе легкихъ, отъ которой онъ и умеръ, несмотря на то, что подчинился во всемъ доктору. Почти всѣхъ привозимыхъ къ намъ въ Европу шимпанзе постигаетъ таже участь; рѣдкій изъ нихъ проживаетъ два три года, но у себя на родинѣ онѣ могутъ прожить въ неволѣ до двадцати лѣтъ.

Орангъ-утанъ. До сихъ поръ я описывалъ, человѣкообразныхъ обезьянъ, живущихъ въ Африкѣ, теперь же перейду къ тѣмъ, что живутъ въ сосѣдней съ нами Азіи *). Они отличаются отъ прежде описанныхъ, главнымъ образомъ, длиною своихъ рукъ, которыя достаютъ до ступней ногъ. Главнѣйшей изъ этихъ обезьянъ является орангъ-утанъ, что на нашъ языкъ значитъ „лѣсной человѣкъ“ (рис. 9) но эта обезьяна съ трудомъ можетъ носить такое названіе, такъ какъ скорѣе походитъ на звѣря чѣмъ на человѣка. Роста эта обезьяна до одного аршина и 14 вершковъ, а длина распостертыхъ рукъ достигаетъ сажени и болѣе. Туловище широко въ бедрахъ, а животъ выдается впередъ. Шея короткая и покрытая спереди складками, такъ какъ орангъ-утанъ обладаетъ горловымъ мѣшкомъ, который можетъ надуваться. Губы некрасивы и вздуты, клыки велики, хотя и орангъ-утанъ также не

*) Если поѣдешь отъ насъ въ ту сторону, гдѣ солнце восходитъ, то доберешься сначала до большихъ горъ, называемыхъ уральскими. Переѣхавши горы попадешь въ Азію, но не въ ту ея часть, гдѣ водятся обезьяны. Чтобы попасть въ ту область, гдѣ обезьяны водятся, надо въ Азіи ѣхать на поддень.

Рис. 9. Орангъ-утаны на свободѣ.

любить мяса. Когда одному изъ нихъ дали живого воробья, то онъ сначала испугался, но потомъ загрызъ его, выдернулъ нѣсколько перьевъ, попробовалъ мяса и выкинулъ вонъ. Нижняя челюсть выдается сильно впередъ, какъ у очень старыхъ беззубыхъ людей. На спинѣ и на груди шерсть рѣдкая, а по бокамъ густая и растетъ длинными космами. На лицѣ волосы растутъ въ видѣ бороды; а цвѣтъ ихъ темноржавый или рыжій. Въ виду того, что орангъ-утанъ живетъ въ странахъ, соседнихъ съ нами; онъ давно уже сталъ извѣстенъ нашимъ дѣдамъ и о немъ составила масса сказокъ и небылицъ. Позднѣйшимъ ученымъ долго приходилось разбираться въ этихъ слухахъ, чтобы отличить правду отъ вымысла. Одинъ изъ такихъ ученыхъ Уоллесъ говоритъ, что орангъ-утанъ живетъ не въ самой Азiи, а на островахъ, лежащихъ у ея полуденныхъ береговъ, Суматрѣ и Явѣ, особенно на послѣднемъ. Любитъ онъ болотныя, лѣсистыя мѣстности, а гдѣ сухо, тамъ его нѣтъ. Ходитъ также, какъ и прежде описанныя обезьяны на кулакахъ, а не на подошвахъ, осторожно пробираясь черезъ лѣсъ. Звѣри на него почти не нападаютъ, такъ какъ боятся; только крокодилъ *) и тигровая змѣя рѣшаются вступить съ нимъ въ борьбу, но и здѣсь, какъ говорятъ живущіе тамъ народы, орангъ-утанъ всегда почти остается побѣдителемъ. При случаѣ орангъ-утанъ вступаетъ въ борьбу съ

*) Крокодилъ—это рѣчное животное, живущее въ рѣкахъ жаркихъ странъ и похожее на нашу ящерицу, но гораздо больше ея; до сажени и болѣе въ длину.

человѣкомъ и этому послѣднему очень сильно достается отъ него. Ночуетъ орангъ на деревѣ, гдѣ строитъ себѣ гнѣздо сажени на 3 на 4 отъ земли. Прикрываетъ отъ дождя его листьями. Говорятъ, что каждый день орангъ-утанъ строитъ себѣ новое гнѣздо, но это по всей вѣроятности невѣрно, такъ какъ тогда почти всѣ деревья, въ той мѣстности, гдѣ они водятся, были бы покрыты этими гнѣздами, — хотя извѣстно достоверно, что онъ рѣдко въ теченіи двухъ дней возвращается къ одному и тому же дереву. Когда солнце поднимется высоко и роса на травѣ и деревьяхъ высохнетъ, орангъ-утанъ поднимается съ своего ложа и отправляется на поиски пищи; питается онъ плодами почками и молодыми побѣгами. Путешествуетъ преимущественно по деревьямъ, а не по землѣ. Лазить большой мастеръ, чему особенно помогаютъ его длинныя руки. Выше упомянутому ученому удалось поймать маленькаго орангъ-утана, завязнуваго въ болотѣ послѣ того, какъ мать его была убита. Звѣренокъ былъ здоровъ и силенъ; когда его принесли въ домъ, то прекрѣпко вцѣпился въ бороду ученаго и тотъ на силу освободился отъ него. Зубовъ у него не было и только черезъ нѣсколько дней показались два передніе зуба. Когда ученому пришлось кормить своего плѣнника, то онъ сталъ втупикъ, такъ какъ молока не могли достать и должны были придумать что-нибудь, замяняющее молоко; остановились на рисовомъ отварѣ съ сахаромъ. Звѣренокъ велъ себя совсѣмъ, какъ маленькій ребенокъ и чтобы унять его крикъ,

Рис. 10. Одинъ изъ Гиббонъ—Ларъ.

больше, чѣмъ шимпанзе, гориллъ и орангъ-утановъ. Кромѣ того они, по всей вѣроятности, легче

привыкаютъ къ переменѣмъ жизненныхъ условій; поэтому пужно ожидать что область ихъ распространения гораздо больше области распространения тѣхъ обезьянъ. И дѣйствительно мы можемъ припомнить, что гориллы и шимпанзе живутъ только въ средней Африкѣ, орангъ-утаны на островахъ Суматрѣ и Явѣ и только въ сырыхъ лѣсистыхъ мѣстахъ. Гиббоны же попадаются по всѣмъ островамъ, лежащимъ у полуденныхъ береговъ Азіи, и по всему этому полуденному берегу, заходя довольно далеко внутрь страны и высоко на горы. Почему же, теперь, если область распространения мала, то роды животныхъ, живущихъ тамъ, должны имѣть мало разнообразныхъ видовъ, и если область велика, то много? Объяснить это очень легко. Если область мала, то условія жизни для всѣхъ одинаковы: солнце одинаково свѣтитъ и грѣетъ, ходить приходится по мѣстамъ, мало различающимся другъ отъ друга, пища одинаковая, опасности тоже одни и тѣже; поэтому и животнымъ на всемъ протяжении не приходится мѣняться. Если область велика, то условія разные и обезьянѣ, попавшей въ другія условія, приходится измѣнить нѣкоторыя свои качества, чтобы примѣниться къ новымъ условіямъ. Напримѣръ, если нѣсколько черныхъ обезьянъ упадутъ въ области болѣе жаркія, чѣмъ ихъ родина, то тѣмъ изъ нихъ у кого шерсть темнѣе жить будетъ хуже—онѣ скорѣе умрутъ и меньше оставятъ послѣ себя потомства. Болѣе свѣтлыя долше проживутъ и потомства больше оставятъ. Такъ какъ дѣти почти всегда бываютъ похожи на роди-

телей, то уже во второмъ поколѣніи нашей кучки обезьянъ будетъ больше свѣтлыхъ, чѣмъ черныхъ. Съ новымъ поколѣніемъ будетъ то же и, словомъ, чѣмъ дальше тѣмъ количество свѣтлыхъ увеличивается; пройдетъ нѣсколько десятковъ или сотъ лѣтъ и съ трудомъ уже можно узнать, что данныя обезьяны произошли отъ первыхъ. Строеіе немного, можетъ быть, тоже измѣнится въ зависимости отъ условія. Слѣдовательно порода все-таки будетъ та же, а видъ другой. Понятно, что такое измѣненіе можетъ произойти тогда, когда всѣ другія условія не будутъ благоприятствовать темному цвѣту. Если же, несмотря на такую жару темнымъ обезьянамъ будетъ жить удобнѣе, то цвѣтъ ихъ сохранится, но могутъ произойти другія измѣненія. Вотъ поэтому то гиббоновъ и насчитывается семь разныхъ видовъ, а горрилъ и шимпанзе по одному. Опишемъ теперь главные изъ этихъ видовъ.

Сиамангъ—самая большая изъ всѣхъ гиббоновъ и самая безобразная. Лба у нея почти нѣтъ, глаза сидятъ глубоко, носъ широкій и плоскій, ротъ до ушей, подбородка почти незамѣтно, а на шеѣ виситъ громадный грязный отвислый мѣшокъ, надувающійся при крикѣ. Руки и ноги кривы и обращены внутрь, да на ногахъ, кромѣ того, средней палецъ сросся съ указательнымъ. Все это безобразіе отчасти скрывается густой черной блестящей шерстью. Этотъ сиамангъ, какъ и всѣ гиббоны, живетъ почти все время на деревѣ и лазить, а особенно прыгаетъ по немъ превосходно, хотя съ дерева на дерево перепрыгнуть рѣшается рѣдко. На

землѣ онъ неуклюжъ, неловокъ и чувствуетъ себя какъ бы чужимъ. Одному путешественнику пришлось наблюдать стадо сіаманговъ при рубкѣ лѣса. Эти сіаманги сидѣли на деревьяхъ, предназначенныхъ для рубки, и отдѣлены были отъ остального лѣса просѣкой сажени въ 4. Изъ нихъ никто не отважился перескочить черезъ этотъ промежутокъ. Въ большомъ страхѣ лазили они по дереву, ускоряя свои движенія при каждомъ ударѣ топора. Когда дерево упало, онѣ не рѣшились спастись прыжкомъ, а упали вмѣстѣ съ деревомъ и были имъ раздавлены. Правда, въ данномъ случаѣ трудно рѣшить, что удержало сіаманговъ отъ прыжка: недостаточное ли умѣніе прыгать или страхъ передъ людьми. Живутъ сіаманги большими стадами подъ предводительствомъ вожака, который всегда настолько остороженъ и хитеръ, что его почти никогда не удается ранить. Если застать стадо сіаманговъ на землѣ, то очень легко поймать нѣсколькихъ изъ нихъ, такъ какъ испугъ приводитъ ихъ въ остолбенѣніе. Товарищество у нихъ развито слабо: они часто покидаютъ своего раненаго товарища, чего другія обезьяны никогда не дѣлаютъ. Только мать никогда не броситъ своего ребенка; она схватываетъ его, пытается съ нимъ бѣжать, падаетъ внизъ и съ громкимъ горестнымъ крикомъ, съ раздутымъ горловымъ мѣшкомъ и разставленными руками бросается на врага; вообще можно сказать про самокъ сіаманговъ, что онѣ такія хорошія матери, такъ заботливо ходятъ за своими дѣтьми и такъ чисто ихъ держатъ, что и людямъ было бы

хорошо иногда брать съ нихъ примѣръ. О душевныхъ и умственныхъ способностяхъ сіаманга всѣ ихъ знающіе отзываются плохо и считаютъ его однимъ изъ самыхъ глупыхъ животныхъ. Въ неволѣ онъ сонливъ, лѣнивъ, ко всему безучастенъ и никогда не обнаруживаетъ той забавной живости, которая такъ привлекательна у другихъ обезьянъ. Правда не всѣхъ ихъ можно такъ осуждать: попадаются и изъ нихъ очень умные, ловкіе, которые въ неволѣ скоро получаютъ привычки ихъ окружающихъ и заслуживаютъ любовь. Умираютъ сіаманги въ неволѣ почти всегда отъ тоски.

Ларь (*смотри рисунокъ стр. 39*) называется также бѣлорукимъ гиббономъ, потому что руки и ноги у него бѣлаго цвѣта; оторочки лица тоже бѣловатая, а само лицо голое и черное; общій цвѣтъ колеблется отъ чернаго до желтовато-бѣлаго. Живутъ они стадами отъ 6 до 20 штукъ, молодые и старые обоюго пола вмѣстѣ. При своемъ передвиженіи по деревьямъ они пользуются исключительно руками, такъ что если приходится что нибудь нести съ собой, то несутъ въ ногахъ. Болѣе подробныхъ свѣдѣній о жизни этихъ обезьянъ еще не собрано, потому что скрываются онѣ въ густыхъ лѣсахъ и боятся людей.

Хулокъ, обезьяна до одного аршина ростомъ безъ горлового мѣшка угольно-чернаго цвѣта съ бѣлой перевязкой на лбу; держится она преимущественно на невысокихъ горахъ, такъ какъ не выноситъ холода, тогда какъ лары могутъ жить на высотѣ одной версты и болѣе. Пища ихъ состоитъ изъ

плодовъ, травъ и молодыхъ вѣтвей деревьевъ; причемъ они разжевываютъ ихъ, высасываютъ сокъ, а мякоть выбрасываютъ; не брезгаютъ также хулоки и пауками, жуками, яйцами и птицами, которыхъ имъ удастся поймать. Обыкновенно хулоковъ видятъ на деревьяхъ, но иногда они выходятъ на открытыя поляны и затѣваютъ между собой игры. Если въ это время ихъ застаетъ человекъ, то они стремятся убѣжать въ лѣсъ, такъ какъ боятся человека больше, чѣмъ кого либо изъ дикихъ звѣрей. Остальные виды гиббоновъ мало чѣмъ отличаются отъ описанныхъ нами ни по строенію, ни по нраву и привычкамъ. Одна изъ нихъ, называемая **Унго**, замѣчательна тѣмъ, что у нея 14 паръ реберъ, а не 12, какъ у остальныхъ обезьянъ. **Vau Vau** отличается своимъ своеобразнымъ крикомъ: „Vau! Vau!“ , отъ котораго и получила свое названье.

ЧАСТЬ II.

СОБАКООБРАЗНЫЯ ОБЕЗЬЯНЫ.

ЧАСТЬ II.

Собакообразныя обезьяны.

Длиннорукими гиббонами кончается отдѣлъ чело-
вѣкообразныхъ обезьянъ. Если кто внимательно
слѣдитъ за описаніемъ видовъ этихъ обезьянъ, тотъ
могъ замѣтити, какъ сходство между чело-
вѣкомъ и обезьяной постепенно уменьшается. Особенно бу-
детъ поразительно появившееся отличіе, если взгля-
нуть на обезьяну слѣдующаго отдѣла. Припом-
нимъ себѣ изображенія костяковъ чело-
вѣка и го-
риллы, а теперь взглянемъ на костякъ одной изъ
новыхъ обезьянъ — Хульмана (рис. 11). Прежде
всего насъ поразитъ спина, согнутая въ дугу и
оканчивающаяся хвостомъ. Голова какъ-то сплюс-
нута и выдается впередъ; нижняя челюсть при этомъ

велика въ сравненіи со всей головой. Тазовыя кости узки и совсѣмъ не походятъ на тазъ человѣка и даже гориллы. Этотъ костякъ скорѣе напоминаетъ намъ какое-нибудь другое животное. Нашли очень

Рис. 11. Костякъ Хульмана.

отдаленное сходство съ собакой и назвали ихъ собакообразными. Выдающаяся впередъ морда, хвостъ, короткія руки и постоянное положеніе на четверенькахъ дѣйствительно заставляютъ вспоминать о собакѣ, когда смотришь на эту обезьяну. Изъ особенностей этихъ обезьянъ нужно отмѣтить еще то, что щеки у нихъ могутъ сильно растягиваться и образовывать защечные мѣшки, куда обезьяна складываетъ свои пищевые запасы въ случаѣ, напримѣръ, бѣгства. Живутъ они также какъ и человѣкообразныя обезьяны въ Азіи, чаще всего на островахъ, лежащихъ у ея полуденныхъ береговъ и въ Африкѣ. Причемъ между Азіатскими и Африканскими видами всегда можно найти сильное отличіе.

Мы начнемъ свое описаніе съ тонкотѣлыхъ

обезьянъ, живущихъ въ полуденныхъ частяхъ Азіи и на островахъ. Всѣ виды обезьянъ, причисленные къ тонкотѣлымъ, отличаются своей красотой и стройностью. Нельзя лишь этого сказать про носатую

Рис. 12. Семья Хульмановъ или священныхъ обезьянъ. Самой занимательной изъ нихъ можно признать хульмана, (рис. 12) который носитъ также названіе священной обезьяны, такъ какъ народъ,

населяющій тѣ страны, — Индусы — почитаютъ его за бога. Боговъ у Индусовъ кромѣ трехъ главныхъ: Шивы Брамъ, и Вишну, существуетъ множество. Рассказывается въ сказкахъ, что въ стародавнія времена одинъ злой великанъ похитилъ жену индйскаго бога Шри-рамъ. Обезьяна освободила плѣнницу. Другой разъ эта обезьяна украла изъ сада того-же великана плодъ дерева Манго и передала его людямъ, а люди стали у себя разводить это дерево и питаться его плодами. Теперь Индусы этимъ плодомъ дорожатъ. Обезьяну за это воровство приговорили къ сожженію, но она потушила огонь, опаливъ себѣ лицо и руки; отчего они у нея черны. За эти заслуги почитаютъ хульмана, какъ бога и потому позволяютъ ему грабить сады, поля, залзвать въ дома и тамъ всячески безобразничать безнаказанно. Хульманъ — обезьяна средней величины. Вся длина ея тѣла равняется почти 2 съ половиной аршинамъ, но половину этого идетъ на хвостъ, а само тѣло съ небольшимъ 1 аршинъ. Живутъ они, большей частью, въ лѣсу и составляютъ тамъ многочисленныя стада подъ предводительствомъ самца. Чтобы попасть въ предводитель самецъ долженъ побѣдить въ состязательной дракѣ всѣхъ своихъ соперниковъ. Побѣжденные самцы часто изгоняются изъ стада и должны блуждать въ одиночествѣ, пока не составятъ собственнаго стада. Драки между самцами идутъ постоянно. Часто также сражаются между собой и два стада, напримѣръ, изъ-за мѣста въ лѣсу или изъ за сада, который они собираются грабить. По-

читаніе Индусовъ совсѣмъ испортило нравъ этихъ обезьянъ и они, пользуясь своей безнаказанностью, причиняютъ жителямъ много зла. Ужь, не говоря о томъ, что сады и поля часто совершенно уничтожаются хульманами, они забираются въ дома и грабятъ тамъ все, что ни попадетъ подъ руку. А попробуй убить эту обезьяну и не оберешься хлопотъ. Одинъ чужестранецъ застрѣлилъ какъ-то эту обезьянку. Всѣ жители такъ взволновались, что ихъ насилу удалось уговорить не дѣлать никакого зла убійцѣ. Ему все-таки пришлось очень плохо, такъ какъ никто не соглашался въ чемъ-нибудь услужить убійцѣ. Въ молодости хульманы имѣютъ очень пріятный видъ. Быстрота, ловкость, красивая круглая головка, умные подвижные глаза, все это говорить въ пользу нихъ. Въ старости голова становится плоской; обезьяна принимаетъ звѣриный видъ и глупѣетъ.

Другая тонкотѣлая обезьяна, — черномазый Буденгъ отличается суровостью своего вида. Человѣкъ онъ не долюбиваетъ и боится. При встрѣчѣ поднимаетъ громкій крикъ, быстро убѣгаетъ и часто даже бросаетъ отломанныя вѣтви въ своихъ преслѣдователей. Приручить Буденга удастся съ большимъ трудомъ и Индусы его за это недолюбиваютъ. За то они очень любятъ его черный шелковистый мѣхъ, изъ за котораго предпринимаютъ громадныя охоты на буденга. Въ неволѣ буденги очень смиренны и безобидны. Если ихъ сажаютъ въ одну клетку съ другими обезьянами, то тѣ обыкновенно издѣваются надъ буденгами, а буденги молчатъ и терпятъ всѣ

лишенія. Даже маленькимъ мартышкамъ они позволяютъ бить себя, всячески мучить и издѣваться. Индусы никогда не держатъ буденговъ у себя въ домахъ, тогда какъ другихъ обезьянъ очень часто можно найти на дворѣ индуса, особенно на ко-

Рис. 13. Носатая обезьяна.

нюшнѣ. Нѣтъ ни одной конюшни, гдѣ бы не было бы какой-нибудь обезьяны. Ихъ держатъ тамъ также, какъ у насъ козловъ.

Я уже упоминалъ, говоря о красотѣ тонкотѣлыхъ обезьянъ, что одна изъ нихъ — носатая обезь-

яна (рис. 13) представляетъ, въ этомъ смыслѣ, исключеніе. Тѣло ея, правда, красиво, тонко и ничѣмъ не отличается отъ другихъ тонкотѣлыхъ обезьянъ, но все дѣло портитъ не въ мѣру большой носъ, придающій лицу обезьяны необычайно смѣшной видъ. Этотъ носъ крючкообразно свѣшивается внизъ надъ верхнею губой; въ средней части онъ довольно широкъ, на концѣ заостренъ и сверху снабженъ легкой продольной бороздкой. Ноздри очень велики и могутъ значительно расширяться. Правда, что такой смѣшной носъ бываетъ только въ старости, а у молодыхъ онъ невеликъ. Шерсть у нихъ густая и мягкая, а вокругъ шеи образуется воротникъ. Росту обезьяна съ трехлѣтняго ребенка. Живетъ въ густыхъ лѣсахъ, по берегамъ рѣкъ, на вершинахъ высочайшихъ деревьевъ. Трусостью не отличается и, когда убѣгаетъ отъ преслѣдователей, то держитъ себя спокойно, не волнуется, а дѣлаетъ размѣренные прыжки съ вѣтви на вѣтвь. Въ большія стада носатая обезьяна не собирается, а живетъ по 2, по 3 вмѣстѣ. Приручить ее очень трудно, такъ какъ трудно пріучить къ домашнему корму. На свободѣ она питается листьями и плодами дикихъ деревьевъ.

Въ Африкѣ тонкотѣлыхъ обезьянъ нѣтъ, но ихъ мѣсто тамъ занимаютъ *толстотѣлыя*, которыя только самыми незначительными признаками отличаются отъ своихъ азиатскихъ родичей. Мы опишемъ наиболѣе выдающуюся изъ нихъ по красотѣ.

Гвереча. Тѣло ея прекраснаго бархатисто-чернаго цвѣта; на нѣкоторыхъ мѣстахъ ярко-бѣлыя

пятна: полосы на лбу, на вискахъ, по сторонамъ шеи, на подбородкѣ, на кончикѣ хвоста и кромѣ того поясъ кругомъ всего тѣла. Волоса, расположенные поясомъ, перехватывающемъ бока, очень длинны, мягки и тонки и свѣшиваются по обѣ стороны тѣла; они необычайно красятъ гверecu; особенно, благодаря тому, что черный мѣхъ

Рис. 14. Гверца.

нижней стороны тѣла просвѣчиваетъ черезъ эту блестящую бѣлую оторочку (рис. 14). Длина туловища гверцы доходитъ до одного аршина, а съ хвостомъ до двухъ. Живетъ она въ гористой части Африки, называемой Абиссиніей; причеиъ забирается даже на горы, высотой до 3 верствъ. Небольшія стада изъ 10—15 штукъ располагаются

обыкновенно на житье на можжевельникѣ, который тамъ растетъ не маленькими кустами, какъ у насъ, а громадными деревьями. Выбираютъ онѣ деревья, растущія поблизости отъ текучей воды. Питается гверца прежде всего ягодами того-же самаго можжевельника, на которомъ живетъ, а также вообще почками, листьями, цвѣтами и насѣкомыми; на обработанныя поля заглядываетъ рѣдко и потому считается мѣстными жителями за самое безвредное животное. Большая цѣна за ея красивый мѣхъ побуждаетъ Абиссинцевъ охотиться за ней. Ея ловкость, увертливость и густота деревьевъ, на которыхъ она водится, спасаетъ ее отъ совершеннаго истребленія. За мѣхъ гверцы платятъ столько, что на эти деньги можно купить штукъ 8 жирныхъ овецъ. Любящая свои горы, тѣнистыя деревья можжевельника и уединенность дикихъ мѣстъ, гверца не уживается долго въ неволѣ, а умираетъ отъ тоски и голода, такъ какъ домашняя пища для нея противна. Къ намъ въ Европу только одинъ разъ была она завезена, но прожила очень недолго. Есть гверцы и другого вида, чѣмъ мы описали, наприиѣръ, совершенно черныя, или только безъ бѣлыхъ волосъ по бокамъ. Совершенно черная гверца носитъ названію *Сатанга*.

Марышки. Кто былъ хотя разъ въ какомъ-нибудь звѣринцѣ, тотъ навѣрное видѣлъ марышку; это безспорно самая забавная и веселая обезьяна; съ этимъ, правда, весьма неохотно согласятся жители той части Африки, гдѣ водятся марышки; они скорѣе скажутъ, что это самая вредная обезьяна.

ана. На свободѣ можно встрѣтить мартышку во всей средней части Африки. Сырые лѣса на берегахъ рѣкъ являются ихъ любимымъ мѣстопребываніемъ; но также они поселяются и возлѣ полей. Рѣдко можно встрѣтить мартышку въ одиночествѣ; они всегда держатся стадами, предводительствуемыми старымъ опытнымъ вожакомъ-самцомъ. Путешествуютъ они всегда въ большомъ порядкѣ, гуськомъ одна за другой, пробираясь по тѣмъ же вѣткамъ, по которымъ прошли предыдущія. Каждая обезьяна при этомъ дожидается, чтобы тонкая вѣтка, по которой пробѣжала передняя обезьяна, пришла въ спокойное состояніе, и потому шествіе мартышекъ происходитъ медленно. Самки при такихъ путешествіяхъ обыкновенно несутъ дѣтенышей подѣ брюхомъ, а тѣ для предосторожности обвиваютъ кончикъ своего хвоста кругомъ хвоста матери. Такимъ образомъ они обыкновенно направляются на грабежъ какого-нибудь поля. Вожакъ при этомъ часто влѣзаетъ на верхушку дерева и оттуда внимательно обзрѣваетъ окрестность. Если все благополучно, то онъ успокаиваетъ стадо особымъ мурлыканіемъ, въ противномъ случаѣ крикомъ предупреждаетъ объ опасности. Приблизившись къ полю, обезьяны сходятъ съ деревьевъ и большими прыжками снѣхаютъ къ добычѣ. Здѣсь они прежде всего стараются наполнить свои защечные мѣшки и набиваютъ ихъ зернами кукурузы или маиса безъ разбора. Когда мѣшки наполнятся, то обезьяна принимается за ѣду и при этомъ тщательно выбираетъ пищу. Сломивъ початокъ кукурузы, мартышка обнюхиваетъ его и,

если опъ ей не нравится почему-либо, то бросаетъ. Изъ десяти початковъ часто она выбираетъ только одинъ, да и этотъ избранный съѣдаетъ не весь, а только нѣсколько зеренъ изъ него. Такимъ образомъ, мартышки не столько съѣдаютъ, сколько портятъ. Если на полѣ все спокойно, то матери позволяютъ дѣтенышамъ отойти отъ себя и играть съ другими маленькими обезьянами, причемъ каждая мать всегда слѣдитъ глазами за своимъ чадомъ, обо всемъ же стадѣ заботится вожакъ. Во время самой вкусной ѣды онъ останавливается, встаетъ на ноги, осматривается и, чуть завидитъ опасность, громкимъ, дрожащимъ крикомъ предупреждаетъ все стадо. Стадо тогда мгновенно собирается въ кучу, матери призываютъ дѣтенышей и черезъ нѣсколько минутъ все готово къ бѣгству. Убѣгая, обезьяны стараются какъ можно больше захватить съ собой; по дорогѣ боязнъ за собственную шкуру, понятно, заставляють ихъ бросить вкусную, но стѣсняющую движенія пошу. Какъ только мартышки добрались до лѣса, они считаютъ себя совершенно въ безопасности; никакого препятствія для нихъ здѣсь не существуетъ; ихъ не останавливаютъ ни колючія иглы, ни густой кустарникъ, ни большое разстояніе между деревьями. Большіе скачки дѣлаются съ увѣренностью; причемъ, дѣйствуя хвостомъ, какъ рулемъ, мартышка часто на лету измѣняетъ направленіе скачка. Промахнувшись на одной вѣткѣ онъ хватается за другую; съ вершины бросаются на конецъ самой низкой вѣтви и, едва коснувшись ея, несутся дальше. Съ дерева скачутъ на землю, съ земли на дерево и бѣгутъ

все дальше и дальше, пока вожакъ, убѣдившись, что опасность миновала, не остановится и не успокоитъ все стадо. Успокоившись, обезьяны прививаются за очистку своей шкуры отъ колючекъ и шиповъ, прихваченныхъ на дорогѣ. Одна обыкновенно чиститъ другую и если ей при этомъ попадется блоха, то обезьяна ее быстро съѣдаетъ. Очистившись и оправившись, мартышки обыкновенно снова отправляются на грабежъ, такъ что дѣйствительно мѣстнымъ жителямъ некогда забавляться этими обезьянами, а нужно подумать объ огражденіи своихъ полей отъ нихъ. Мартышки такъ досадили жителямъ тѣхъ странъ, что тѣ называютъ ихъ внуками нечистаго. Если напавши на стадо мартышекъ удастся убить вожака, то остальные обезьяны совершенно теряются, не знаютъ что дѣлать и послѣдно разбѣгаются въ разные стороны. Если убить вожака тогда, когда застанешь стадо на деревѣ, отдѣльно стоящемъ посреди поля, то вся шайка сначала въ ужасѣ присмирѣетъ, но скоро начинается невообразимая свалка: съ крикомъ бросаются обезьяны туда и сюда, скачутъ отъ ствола къ концамъ вѣтвей и обратно и, наконецъ, большими прыжками соскакиваютъ на землю и бѣгутъ по направлению къ лѣсу. Въ свободное отъ грабежа время мартышки забавляются у себя въ лѣсу разными играми: бѣгаютъ по вѣтвямъ, качаются на нихъ, догоняютъ другъ друга и вообще ведутъ себя какъ разыгравшіяся дѣти. Рѣдко кто смущаетъ ихъ покой, такъ какъ главному и самому опасному врагу ихъ—человѣку трудно пробраться въ ту чащу, ко-

торую обезьяны обыкновенно избираютъ для игръ. Кромѣ человѣка мартышки боятся только леопардовъ*), крокодиловъ и змѣй. Если обезьянѣ, охотящейся за птичьими яйцами, приходится лѣзть въ дупло, то обезьяна сначала заглядываетъ внутрь дупла, постучитъ по дереву и долго прислушивается, не услышитъ-ли шипѣнья змѣи и, только увѣрившись, что змѣи нѣтъ, достаетъ яйца. Отъ хищныхъ птицъ мартышки защищаются сообща. Одному охотнику пришлось видѣть, какъ хищная птица, — хохлатый орланъ, — схватилъ молодую обезьянку и хотѣлъ унести. Но это не удалось. Обезьянка ухватилась и руками и ногами за вѣтку и начала орать во всю мочь. Въ одну минуту собралось туда все стадо и птица была окружена, по крайней мѣрѣ, десяткомъ обезьянъ. Съ крикомъ бросились они на хищника, такъ что тому едва удалось вырваться, оставивъ въ рукахъ обезьянъ изрядное количество перьевъ. Понятно, что другой разъ эта птица побоялся схватить обезьяну.

Въ неволѣ мартышки ведутъ себя различно: однѣ сварливы и злы, другія смиренны, третьи ворчливы, четвертыя, наоборотъ, постоянно веселы. Пришлось какъ-то одному путешественнику купить по очень дешевой цѣнѣ цѣлыхъ пять мартышекъ. Онъ привязалъ ихъ у себя на кораблѣ. Мартышки печально сидѣли рядомъ, прижавшись другъ къ другу, закрывъ лице руками; опѣ ничего не ѣли и по

*) Леопардъ—большое хищное животное изъ породы кошекъ. Обладая когтями, леопардъ лазитъ по деревьямъ и потому ему легко поймать обезьяну.

временамъ издавали заунывные горловые звуки, которыми очевидно выражали жалобу на судьбу. На утро оказалась на мѣстѣ только одна обезьяна, прочія бѣжали. При этомъ веревки, державшія плѣнницъ, не были разгрызены; очевидно онѣ помогали другъ другу при развязываніи узловъ, а о товарищѣ своемъ, который сидѣлъ далеко отъ нихъ, забыли и онъ остался въ неволѣ. Плѣнникъ былъ самецъ и ему дали кличку „Коко.“ Видя, что освободиться изъ плѣна ему невозможно, онъ покорился своей участи и уже на другой день сталъ ѣсть пшено и другую пищу. Къ людямъ онъ относился сердито и кусалъ всякаго, кто къ нему подходилъ, какъ будто узнавая въ нихъ виновниковъ своего несчастья. Изъ всѣхъ окружающихъ его животныхъ онъ избралъ себѣ въ друзья птицу клюворога. Птица тоже полюбила его и терпѣливо сносила, когда Коко тормошилъ ее. Не будучи привязаннымъ, клюворогъ могъ расхаживать, гдѣ ему было угодно. Скоро онъ совсѣмъ поселился возлѣ обезьяны и ѣлъ вмѣстѣ съ нею кормъ. Когда птица околѣла, Коко заскучалъ, и думалъ было подружиться съ кошками, но тѣ приняли его не дружелюбно, а одинъ котъ даже подрался съ нимъ. Не долго прогрустилъ Коко въ одиночествѣ; къ нему попала маленькая обезьянка сиротка и онъ занялся ею съ большимъ усердіемъ и любовью. Никому не позволялъ до нее дотрогиваться, и если ее отнимали, то дѣлался печальнымъ и сильно безпокоился. Черезъ нѣсколько недѣль обезьянка околѣла. Коко совсѣмъ потерялся отъ горя. Онъ

бралъ своего мертвого любимца на руки, ласкалъ и гладилъ его, нѣжно мурлыкалъ, сажалъ его на любимое мѣсто и, видя, что обезьянка неподвижна и валится, разражался жалобными криками, надрывающими душу. Когда трупъ обезьянки забросили на другой дворъ, Коко разорвалъ веревку, перескочилъ черезъ стѣну и принесъ трупъ на прежнее мѣсто. Его привязали покрѣпче и снова отняли мертвое тѣло, забросивъ подальше. Онъ снова оторвался и притащилъ трупъ. Когда трупъ зарыли, то Коко сбѣжалъ совсѣмъ. Другая мартышка по прозвищу Гассанъ, хотя и заслужила любовь всѣхъ окружающихъ, но доставляла своими шалостями большія непріятности хозяевамъ. Она гоняла куръ и пугала ихъ; прогуливалась по кухнѣ, забиралась въ погребъ, кладовыя и тамъ таскала, ѣла и грызла все, что попадетъ. Особенно Гассанъ любилъ выпивать курипыя яйца и находилъ ихъ всегда, гдѣ бы насѣдки отъ него не спрятались. Холодная зима прекратила жизнь его.

Среди мартышекъ различаютъ нѣсколько породъ. Самой красивой изъ нихъ считается бородатая мартышка или, какъ ее еще называютъ, *Діана*; это довольно маленькая стройная обезьяна съ длинной клиновидной бородой. Тѣло ея темносѣрое, спина коричневая, и нижняя часть тѣла и борода бѣлыя (рис. 15). У самокъ бороды нѣтъ. Самыми умными можно назвать голуболицыхъ и черномазыхъ мартышекъ. Голуболицыя мартышки, прозванныя такъ за красивый, голубой цвѣтъ ихъ лица, живутъ исключительно въ лѣсу. Онѣ чаще всего

Рис. 15. Одна изъ мартышекъ—Діана.

встрѣчаются въ нсволѣ, такъ какъ ихъ любятъ за попятливость и веселость нрава. Одна изъ нихъ, по имени Муйдо, довольно долго жила въ семьѣ ученаго. Здѣсь она пользовалась полной свободой, бѣгала по всеѣмъ комнатамъ, прыгала по столамъ и шкафамъ, причеиъ никогда ничего не разбивала, влѣзала на окна, бѣгала въ саду и очень любила гулять вмѣстѣ съ хозяевами. Особенно она любила пугать проходящихъ, быстро и съ шумомъ выскакивая на нихъ изъ засады, но при этомъ никому не дѣлала пикакого вреда. Хозяевъ слушалась и по первому приказанью влѣзала въ клѣтку и сама затворяла за собой дверцу. Если она сильно проказила, то стоило только шикнуть на нее, чтобы эти проказы прекратились. Любила она разсматривать книжки съ картинками и сначала, видя нарисованнаго паука или кузнечика, пыталась схватить его и съѣсть. Ъла она то что и всеѣ другіе въ домѣ. Когда у этого ученаго родился сынъ, то обезьяна страшно полюбила ребенка, не отходила отъ него и такъ заботливо ухаживала, что можно было оставлять ихъ однихъ безъ надзора. Но въ этой дружбѣ оказалось пѣкоторое неудобство. Муйдо считалъ ребенка своей собственностью и когда другіе хотѣли взять ребенка, то онъ боялся какъ бы не обидѣли крошку и потому не позволялъ никому дотрогиваться до ребенка. Муйдо постоянно нападалъ на няньку и даже укусилъ однажды жену ученаго. **Черномазая мартышка** (рис. 16) отличается чернымъ цвѣтомъ тѣла и чернымъ лицомъ и руками; только верхнія вѣки у нихъ бѣлыя. Живутъ онѣ

въ большихъ лѣсахъ небольшими стадами; при чемъ старые самцы обыкновенно живутъ отдѣльно. Этимъ черномазая мартышка отличается отъ всѣхъ другихъ мартышекъ. Въ неволѣ онѣ встрѣчаются

Рис. 16. Черномазая мартышка.

рѣдко, такъ какъ ихъ трудно поймать. Если попадаютъ въ неволю, то скоро заслуживаютъ общую любовь. Они сильно привязываются къ людямъ

и поражаютъ своимъ умомъ и сообразительностью. Ко всѣмъ вещамъ они приглядываются такъ, какъ будто бы хотятъ изучить ихъ.

Самыми злыми и непріятными мартышками считаются **Гусары**. Черное лицо, бѣловатый носъ, совсѣмъ бѣлая борода и золотисто-красное тѣло являются ихъ отличительными признаками. Гусары относятся недружелюбно ко всѣмъ другимъ существамъ, не исключая и обезьянъ другихъ видовъ, чего у другихъ обезьянъ никогда не встрѣтишь. Приручить гусара почти невозможно.

Макаки. Въ Азіи мартышекъ нѣтъ и ихъ мѣсто занимаютъ макаки. Такъ же, какъ и мартышку макака можно встрѣтить почти въ каждомъ звѣринцѣ и почти у каждаго фокусника или шарманщика, который водить обезьянъ по городамъ и селамъ. Если вы видѣли обезьяну у такихъ фокусниковъ, то почти навѣрно можно сказать, что вы видѣли макака. Своимъ внѣшнимъ видомъ онъ совершенно напоминаетъ мартышекъ, только хвостъ у макаковъ короче, чѣмъ у тѣхъ. У нѣкоторыхъ видовъ правда онъ почти достигаетъ длины тѣла, но у большинства его почти не видно. Между прочимъ у **Магота**, единственнаго изъ обезьянъ, живущаго въ Европѣ, хвоста совсѣмъ нѣтъ. Чаще другихъ Макаковъ къ намъ въ Европу привозятъ **Моньета**, или настоящаго макака, родиной котораго считается островъ Ява, такъ что его называютъ еще Явайской обезьяной. Кромѣ этого острова, онъ изрѣдка встрѣчается на сосѣднихъ островахъ и на побережьи Азіи. Это обезьяна около аршина

длины съ хвостомъ четверти въ три. Цвѣтъ ее бурый. Кисти, ступни и хвостъ черныя. Больше извѣстно о его жизни въ неволѣ, чѣмъ на свободѣ. Есть только слухи, что въ лѣсахъ моньетъ собирается въ большія стада; причеиъ самыя сильныя самцы являются начальниками и такихъ начальниковъ въ стадѣ бываетъ два или нѣсколько и живутъ они другъ съ другомъ мирно, не ссорятся и не дерутся изъ за власти, какъ это мы видѣли, напримѣръ, у маргышекъ. Питаются эти обезьяны тѣмъ же, чѣмъ и большинство обезьянъ: листьями, почками, плодами, жуками и т. п. На родинѣ ихъ часто держатъ на конюшнѣ съ лошадьми; при чемъ говорятъ, что лошади не такъ скучаютъ. Движенія моньета ловки, хотя не такъ свободны, какъ у маргышки. Нравъ его не ровень. Иногда онъ добродушенъ, веселъ, а черезъ минуту сердится и дѣлается злымъ. Ученью онъ легко поддается и часто поэтому участвуетъ въ представленіяхъ; онъ ѣздитъ верхомъ на собакахъ, на лошадяхъ, изображаетъ сторожа и выдѣлываетъ много другихъ штукъ. Не много рѣже моньета встрѣчается Китайская обезьяна (рис. 17). Она зеленовато-сѣраго цвѣта четверти въ три длиною. Ее также, какъ и раньше описаннаго Хульмана, Индусы считаютъ священной обезьяной и не только позволяютъ ей, по своему усмотрѣнію, распоряжаться въ ихъ садахъ, но строятъ даже для нихъ отдѣльные храмы и разводятъ плодовые сады, чтобы обезьянѣ жилось лучше. Нравомъ своимъ она ни чуть не отличается отъ остальныхъ своихъ ро-

дичей; только болѣе нахальна и своевольна, такъ какъ поклоненіе и безнаказанность ее испортили. Какъ и другихъ обезьянъ ее можно выучить разнымъ штукамъ. Фокусники ее выучиваютъ плясать,

Рис. 17. Китайская обезьяна.

одѣваютъ въ пеструю одежду и ходятъ съ ней изъ селеня въ селенье, добывая себѣ пропитанье.

Другая священная обезьяна изъ макаковъ носятъ

названіе **Бундера**. Его не такъ почитаютъ, какъ хульмана и китайскую обезьяну. Хотя для ихъ пользованія разсаживаютъ плодовые сады, оставляютъ на поляхъ десятую часть и позволяютъ всячески безчинничать. Они хватаютъ съ прохожихъ шапки, уносятъ со стола хлѣбъ и другія вещи, пугаютъ лошадей и вообще являются бичемъ тѣхъ странъ, гдѣ водятся. Тамъ почти невозможно развести садъ: избалованныя мѣстными жителями, обезьяны грабятъ и упичтожаютъ все самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Поставленные для защиты сада сторожа не помогаютъ: пока они гонятъ незваныхъ гостей съ одной стороны, тѣ появляются уже съ другой. Огни, чучела и т. п. обезьянъ нисколько не пугаютъ, а за насиліе, нанесенное имъ, можно поплатиться жизнью. Одинъ Англичанинъ однако нашелъ, какъ избавиться отъ бундеровъ. Загнавъ ихъ стадо на одиноко стоящее дерево, онъ подрубилъ, съ помощью служителей это дерево и поймалъ множество дѣтенышей, которыхъ взялъ къ себѣ въ домъ. Тамъ заранѣе была приготовлена мазь изъ сахара, меда и рвотнаго камня; маленькія обезьяны были намазаны этой мазью, а затѣмъ выпущены. Матери, получивъ своихъ дѣтей въ такомъ безобразномъ видѣ, стали ихъ приводить въ порядокъ, слизывая мазь. Мазь оказалась сладкой и эта работа доставила сначала матерямъ большое удовольствіе. Но скоро началъ дѣйствовать рвотный камень и обезьяны такъ намучились, что навсегда отучились грабить сады этого англичанина.

Туловище бундера немного больше 3-хъ четвер-

тей, а хвостъ около 6-ти вершковъ; онъ крѣпкаго приземистаго тѣлосложенія; верхняя часть тѣла покрыта густою, а нижняя рѣдкою шерстью. Эта шерсть вполнѣ защищаетъ бундера отъ холода. Однако зимою онъ всегда спускается съ горъ въ долины, чтобы избѣжать большихъ морозовъ. На шеѣ, на груди и на брюхѣ у него кожа отстаетъ отъ тѣла и образуетъ складки. Шерсть сверху веленоватаго и сѣроватаго цвѣта, который на рукахъ и ногахъ и около хвоста имѣетъ желтоватый отливъ. Нижняя часть тѣла бѣлая, хвостъ сверху зеленоватый, снизу сѣрый. Лицо, уши и кисти рукъ мѣднокраснаго цвѣта. Обезьяна эта очень любитъ воду, прекрасно плаваетъ и ныряетъ. Живутъ онѣ большими стадами, но въ стадѣ живутъ немирно, а часто дерутся и кусаются. У другихъ обезьянъ этого не встрѣтишь. Вообще бундеръ сердитая, раздражительная и задорная обезьяна, которая только въ молодости нѣсколько привязывается къ тѣмъ, кто за ней ухаживаетъ; во взросломъ же возрастѣ она не уживается ни съ людьми, ни съ другими обезьянами. Приведенная въ ярость она ломаетъ все, до чего можетъ добраться и смѣло нападаетъ даже на челоуѣка; глаза у нея при этомъ сверкаютъ, ротъ раскрывается и губы какъ-то выворачиваются. Обезьяна надуваетъ щеки, стучитъ зубами и кусается. Все-таки бундеры не то, что гусары: ихъ легко приручить и заставить дѣлать различныя фокусы. При хорошемъ уходѣ бундеры легко переносятъ неволю и даже размножаются. Ученому Кювье пришлось наблюдать это явленіе и вотъ какъ онъ

передаетъ объ этомъ: „Сейчасъ послѣ рожденія дѣтенышъ руками и ногами прицѣпился къ животу матери, захвативъ въ ротъ сосокъ. Складки на животѣ сильно помогали ему держаться. Четырнадцать дней сряду онъ оставался въ этомъ положеніи, сосалъ и даже спалъ, когда мать садилась; но и во время сна пальцы его не разжимались; единственнымъ его движеніемъ было только наклоненіе головы, чтобы схватить то одинъ сосокъ, то другой. Онъ родился, какъ и всѣ обезьяны, зрячимъ. Мать была необычайно внимательна къ своему дѣтенышу. Всѣ ея движенія были ловки и осторожны, такъ что никогда не беспокоили дѣтеныша. Черезъ 14 дней маленюкая обезьянка начала свободно двигаться, лезть и прыгать по клѣткамъ. Мать слѣдила за каждымъ его движеніемъ и всегда готова была предотвратить опасность, угрожавшую ея чаду. По мѣрѣ того, какъ выростала, маленькая обезьянка дѣлалась смѣлѣе и самостоятельнѣе. Черезъ шесть недѣль ее отняли отъ молока матери и дали другую пищу. Мать вдругъ измѣнила свои отношенія къ ребенку и стала отбирать отъ него пищу, такъ что тому приходилось ѣсть украдкой то, что онъ успѣетъ схватить. Въ остальномъ же мать продолжала заботиться о немъ и онъ росъ довольно исправно“.

Кромѣ вышеописанныхъ, въ Азіи водится еще макакъ, извѣстный подъ именемъ свинообразнаго. Онъ отличается отъ другихъ макаковъ тонкимъ хвостомъ и длинными конечностями, напоминающими гиббоновъ. Названіе свое получилъ по хвосту, который загнутъ закорючкой, какъ у свиней. Живетъ

онъ большей частью въ первобытныхъ лѣсахъ острова Суматры и отчасти въ самой Азіи; при чемъ больше держится на землѣ и на скалахъ, чѣмъ на деревьяхъ. Мѣстные жители приручаютъ ихъ и выучиваютъ различать спѣлые кокосовые орѣхи отъ зеленыхъ. Обезьяну, привязанную на веревкѣ, пускаютъ на дерево; тамъ она ощупываетъ орѣхи и когда находитъ спѣлый, то срываетъ и бросаетъ внизъ. Свинообразный макакъ очень ловокъ, подвиженъ и добродушенъ. Къ намъ въ Европу его по-человѣку-то привозятъ рѣдко.

Теперь остается еще описать тотъ видъ макаковъ, который встрѣчается въ дикомъ состояніи у насъ въ Европѣ. Называютъ ихъ Маготами (рис. 18). Это стройная обезьяна съ морщинистымъ лицомъ и безъ хвоста. Уши, руки и ноги тѣлеснаго цвѣта. Длина тѣла около 3-хъ четвертей. Родина его Африка и именно та его часть, которая примыкаетъ къ Европѣ. Держится онъ въ гористыхъ мѣстностяхъ, на скалахъ и утесахъ. Въ Европѣ его можно встрѣтить въ Испаніи возлѣ Гибралтарскаго пролива*). Ихъ тамъ немного и видѣть ихъ можно очень рѣдко, такъ какъ онѣ рѣдко сходятъ съ горъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ было всего 4 обезьяны; показывались онѣ очень рѣдко и съ перемѣной вѣтра мѣняли свое мѣстожительство. Любимымъ ихъ мѣстопробываніемъ были утесистые обрывы, гдѣ онѣ могли безпрепятственно овладѣвать многочисленными

*) Проливомъ называютъ узкое водное пространство, отдѣляющее одну часть земли отъ другой и соединяющее два моря. Гибралтарскій проливъ отдѣляетъ Африку отъ Европы.

пещерами и разсѣлинами. Пища имъ должно быть доставалась легко, такъ какъ видъ у нихъ сытный. Кромѣ корней, листьевъ, почекъ и плодовъ онѣ ѣдятъ также жуковъ и другихъ насѣкомыхъ. Гово-

Рис. 18. Маготъ.

рятъ, что иногда онѣ спускаются со скалъ и грабятъ городскіе сады. Мѣстныя власти заботятся о нихъ и не позволяютъ ихъ убивать. Такъ какъ долгое время число ихъ не увеличивалось, а наоборотъ

скоро осталось только три обезьянки, то предположили, что всѣ онѣ принадлежать къ одному полу. Чтобы дать возможность имъ размножиться, привезли изъ Африки еще трехъ. Послѣ этого число ихъ скоро увеличилось до 11, а теперь оно еще больше. Отсутствіе хвоста и понятливость сдѣлали эту обезьяну любимицей всѣхъ фокусниковъ и шарманщиковъ, такъ что у нихъ вы легко можете ее встрѣтить.

Павіаны. Послѣдній родъ обезьянъ Старога Свѣта за свою сильно выдающуюся впередъ морду названъ *собакоголовыми* обезьянами. Иначе ихъ называютъ Павіанами. Павіаны—самыя большія обезьяны послѣ человекообразныхъ. Живутъ они и въ Азіи, и въ Африкѣ, причемъ преимущественно выбираютъ гористыя мѣстности. На горы взбираются до высоты одной версты и болѣе. Правда иногда ихъ можно встрѣтить и въ лѣсахъ, гдѣ они даже лазятъ по деревьямъ и довольно искусно, чего по ихъ сложению трудно было бы ожидать. Пищу павіановъ составляютъ преимущественно луковицы, клубни, корни, ягоды, яйца и мелкія животныя. Не побрезгуютъ также они и большимъ животнымъ, если осилить. Посѣвамъ и виноградникамъ павіаны приносятъ величайшій вредъ. Говорятъ даже, что они производятъ свои нападенія въ обдуманномъ порядкѣ. Кромѣ того они уносятъ съ собою въ горы большое количество плодовъ и собираютъ, такимъ образомъ, запасы про черный день. Во время грабежа выставляютъ часовыхъ, которые крикомъ должны извѣщать о приближеніи человѣка. Если часовой

прозѣваетъ опасность, то его за это бьютъ чуть не до смерти. Всѣ, кто наблюдалъ жизнь павіановъ, отзываются о нихъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ. Они, какъ говорятъ, злы, свирѣпы, безстыдны и сладострастны. Неосторожное слово, насмѣшливая улыбка, даже просто косою взглядъ можетъ привести павіана въ бѣшенство и тогда онъ забываетъ все, даже тѣхъ, кого любитъ; поэтому на свободѣ ихъ держать очень опасно. Хуже всего — ихъ нахальство; женщинамъ къ нимъ никогда не слѣдуетъ подходить близко. Морда ихъ напоминаетъ морду собаки. Спереди они безобразны, а сзади просто противны. Походкой они напоминаютъ неуклюжую собаку. Течка у самокъ бываетъ такъ часто и долго, какъ ни у кого изъ другихъ животныхъ. Она повторяется каждые 30—35 дней и продолжается отъ 14 до 20. Видъ этихъ животныхъ въ это время до нельзя противенъ. Но имъ нельзя отказать и въ нѣкоторыхъ хорошихъ качествахъ: они чрезвычайно привязаны другъ къ другу и къ своимъ дѣтенышамъ, любятъ также человѣка, который ихъ воспиталъ и выходилъ и стараются ему быть полезными. На свободѣ при приближеніи человѣка павіаны бѣгутъ. Въ случаѣ крайней опасности вступаютъ, какъ съ нимъ, такъ и съ хищными звѣрями въ бой, который можетъ быть очень опасенъ. Леопардъ считается страшнѣйшимъ ихъ врагомъ.

Онъ, однако, нападаетъ больше на дѣтенышей, такъ какъ со взрослыми не всегда надѣется сладить.

Опасенъ также для нихъ и левъ, но самыми страшными являются змѣи. Ни одинъ павіанъ не

подниметъ камня, не вступить въ кусты, не удосто- вѣрившись сначала, что тамъ не скрывается змѣя. Прирученные павіаны бываютъ иногда весьма полезны. Говорятъ, что они способны отыскивать воду въ пустынѣ; поэтому ихъ часто приручаютъ и берутъ съ собою въ безводныя мѣстности. Здѣсь, когда запасы воды начнутъ приходить къ концу, павіану даютъ ѣсть что-нибудь соленое. Черезъ нѣсколько часовъ его привязываютъ на веревку и пускаютъ бѣжать. Мучимое жаждой животное бросается изъ стороны въ сторону, обнюхиваетъ воздухъ, вырываетъ изъ земли растенія, начинаетъ, наконецъ, рыть землю, указывая, такимъ образомъ, на скрытый источникъ. Иногда же павіанъ рѣшительно несется впередъ къ отдаленной еще водѣ.

Виды павіановъ довольно разнообразны и ихъ насчитываютъ до десятка.

Мы начнемъ свое описаніе съ **чернаго или хохлатаго павіана** (рис. 19), такъ какъ по своимъ внѣшнимъ признакамъ онъ представляетъ нѣчто среднее между макаками и павіанами. Это небольшая обезьяна длиною около одного аршина. Хвоста почти незамѣтно; морда не такъ выдается впередъ, какъ у другихъ павіановъ, а носъ не достигаетъ конца морды. Лицо и задъ голы, и остальное тѣло покрыто длинною, мягкою шерстью чернаго цвѣта. Водится онъ на одномъ изъ Азіатскихъ острововъ — Целебесѣ. Здѣсь держится большей частью на горахъ, покрытыхъ лѣсомъ, гдѣ собираются стадами въ нѣсколько сотъ головъ: особенно во время перекочевокъ. Есть-ли надъ такими стадами началь-

ники и вожаки, ничего неизвѣстно. Ведутъ себя такія стада очень смиренно и не пользуются своей силой. Одному путешественнику пришлось встрѣтить на дорогѣ такое стадо, которое сначала окружило его; но ударами кнута удалось скоро разо-

Рис. 19. Хохлатый павіанъ.

гнать все стадо. Въ неволѣ хохлатый павіанъ скоро дѣлается ручнымъ, но зато и страшно надоѣдливымъ. Въ общей клѣткѣ съ другими обезьянами онъ сейчасъ-же нападаетъ на болѣе робкихъ обезьянъ и безжалостно ихъ мучаетъ. Эта обезьяна,

между прочимъ считается самой способной для разныхъ представленій; она учится всему легко, прекрасно и долго помнитъ выученное. Живетъ въ неволѣ не особенно долго и начинаетъ хирѣть.

Бабуины встрѣчаются одинаково какъ въ Азіи, такъ и въ Африкѣ, хотя въ послѣднемъ чаще и на большемъ протяженіи. Живутъ они въ гористыхъ, степныхъ и лѣсныхъ мѣстностяхъ. Большими стадами пробираются они по лѣсамъ, подъ предводительствомъ самца огромнаго роста и набрасываются во время жатвы на поля. Они очень смѣлы и хитры. Когда сторожа выгоняютъ ихъ изъ полей криками и бросаньемъ копій, они только удаляются на небольшое разстояніе и выжидаютъ, пока минуетъ опасность, чтобы опять приняться за старое. Женщинъ они вовсе не боятся, часто нападаютъ на нихъ и вырываютъ изъ рукъ пищу. Ружья они знаютъ отлично и убѣгая отъ охотниковъ, стараются удалиться отъ нихъ на ружейный выстрѣлъ и спрятаться за стволъ дерева. Дѣти всегда остаются при убитой матери. Раненыхъ товарищей не бросаютъ, а уводятъ съ собой; нападеніе собакъ бабуины отражаютъ сообща и довольно успѣшно, хотя все-таки ихъ травятъ собаками. Старые опытные самцы при набѣгахъ всегда идутъ сзади и оберегаютъ стадо. Они сторожатъ его также во время отдыха. Особенно замѣчательно ихъ отношеніе къ грозѣ и ливню: во время грозы они страшно волнуются и приходятъ въ изступленіе.

Дѣтатъ бабуины плоды и корни, кузнечиковъ и мушкетъ. Самымъ страшнымъ врагомъ ихъ считали леопарда, что ергалъ ее

Пойманный молодымъ, бабуинъ легко привыкаетъ къ человѣку, безъ труда выучивается разнымъ штукамъ и остается преданнымъ хозяину, несмотря на дурное обращеніе. Самки особенно кротки и добродушны, самцы же своими злыми шалостями часто даже вредятъ своему хозяину. Одного бабуина какъ то заставили исполнять обязанности сторожа при домѣ, для чего привязали его у входной двери. Должность свою онъ исполнялъ очень усердно: только хозяевъ и хорошо извѣстныхъ ему людей онъ пропускалъ, на чужихъ же всегда бросался и страшно гнѣвался; при этомъ онъ поднималъ хвостъ, становился на ноги, подпираясь одной рукой, а другою въ это время стучалъ по землѣ, какъ стучить разсердившійся человѣкъ. Только не сжималъ руки въ кулакъ. Глаза его сверкали и искрились. Звали этого бабуина: „Перро.“ Онъ умѣлъ отлично притворяться ласковымъ и, когда его хотѣли ласкать, часто схватывалъ руку и кусалъ ее или царапалъ. Съ другими животными, жившими у его хозяина, онъ дружилъ. Ссорился только съ большими птицами—страусами. Перро часто сидѣлъ на заборѣ, спустивъ хвостъ, а страусы любили клевать и схватывать все, что можно сдвинуть. Увидя хвостъ Перро, они обыкновенно его клевали. Тогда Перро хваталъ за голову страуса и страшно трясъ ее. Маленькихъ животныхъ онъ особенно любилъ и даже какъ-то принесъ себѣ щенка, котораго ему удалось отнять отъ матери съ очень трудомъ. Со щенкомъ онъ усердно нянчился и продѣлывалъ разные штуки, не совсѣмъ

безопасныя для щенка. Но скоро пришлось отнять отъ него эту игрушку, такъ онъ не давалъ ничего ѣсть собачкѣ, и поѣдалъ все самъ.

Черезъ нѣсколько времени ученому, хозяину Перро, удалось приобрести еще нѣсколько бабуиновъ. Приручили ихъ очень скоро; они узнавали своего хозяина и свою кличку. Ихъ также начали учить верховой ѣздѣ. Для этой цѣли пользовались толстымъ, старымъ осломъ. Когда первый разъ посадили обезьянъ на спину осла, они сильно трусили, но скоро сдѣлались отличными ѣздоками. Иногда ихъ сажали на осла втроемъ и четверомъ. Первая обезьяна руками обнимала шею осла, а ногами вѣшлялась въ шерсть, вторая обнимала руками первую, ногами же также вѣшлялась въ шерсть и т. д. одна за другой.

Всѣ эти обезьяны страшно полюбили мѣстное пиво и напивались имъ до пьяна. Не отказывались также и отъ краснаго вина, а водки не пили. Въ пьяномъ видѣ вели себя самымъ безобразнымъ образомъ. Скоро обезьяны подружились со всѣми животными и никого не боялись. Но предъ змѣями, ящерицами и лягушками высказывали непреодолимый страхъ. Одна изъ нихъ скоро утонула, другихъ роздали, и одну ученый привезъ къ себѣ въ Европу. Звали ее „Атилой.“ Здѣсь скоро онъ нашелъ противника, которому постоянно досаждалъ. Это была старая цѣпная собака настолько злая, что иногда кусала даже хозяина. Атила всячески мучилъ эту собаку. Обыкновенно замѣтивъ, что собака спитъ, онъ подходилъ и сильно дергалъ ее

за хвостъ, собака вскакивала и набрасывалась на него, но какъ только ей удавалось настичь обезьяну, та перепрыгивала черезъ собаку и снова хватала за хвостъ. Въ концѣ концовъ измученная собака уходитъ къ себѣ въ конуру. Эта обезьяна любила брать себѣ всевозможныхъ приемышей, за которыми старательно ухаживала всею, за исключеніемъ пищи, которую всегда отбирала отъ питомцевъ. Среди людей, особенно среди мужчинъ, Атила очень любила бывать; причемъ, если ему казалось, что его хозяина хотятъ обидѣть, онъ тотчасъ же набрасывался на обидчика и кусалъ его.

Атила былъ очень догадливъ, кралъ мастерски, умѣлъ отворять и ватворять двери и весьма ловко развязывалъ узлы. Всякіе ящики онъ отворялъ и обворовывалъ дочиста. Зимой его помѣстили въ хлѣву вмѣстѣ съ козами; и не пересчитаешь, сколько безчинствъ онъ совершалъ тамъ. Снималъ, напримеръ, двери съ петель и выпускалъ козъ и свиней, часто выламывалъ изъ стѣны доски и отнималъ кормъ у козъ; причемъ одной рукой держалъ козу за рога, а другой захватывалъ ведро съ мѣсивомъ и выливалъ его. Хозяина своего онъ страшно любилъ и кто бы его не ласкалъ, онъ отворачивался, разъ подходилъ хозяинъ.

Гамадриль, (рис. 19) благодаря своей наружности и замѣчательному уму почитался древними египтянами. Теперь еще жители степныхъ странъ внутренней Африки стараются прической волостъ походить на гамадрила. На свободѣ гамадриль всегда держится стадами. Въ своихъ поискахъ за

пищей они не оставляютъ въ покоѣ ни одного камня. Если одной, двумъ или тремъ обезьянамъ не подъ силу сдвинуть камень съ мѣста, то онѣ садятся вокругъ въ большомъ числѣ и непремѣн-

Рис. 20. Гамадриль.

но перевертываютъ его. Любимымъ ихъ кушаньемъ являются муравьи. Чтобъ достать ихъ гамадрилы кладутъ свои руки, ладонью вверхъ въ муравей-

никъ; когда рука покроеся муравьями, они быстро облизываютъ ее. Поля и сады страшно страдаютъ отъ нихъ. Держась постоянно громадными стадами, гамадрилы совершенно опустошаютъ ихъ. Въ стадѣ гамадриловъ бываетъ 150 и болѣе штукъ. Между ними находятся 10—15 взрослыхъ самцовъ огромнаго роста; взрослыхъ самокъ вдвое больше; остальное стадо состоитъ изъ дѣтенышей и подростковъ. Рожденіе маленькихъ происходитъ во всякое время года.

Много занимательнаго рассказываютъ про гамадриловъ тѣ, кто видалъ ихъ на свободѣ, когда, напримѣръ, стадо гамадриловъ усядется отдыхать, оно молчитъ, пока ничто не привлекаетъ его вниманья. При приближеніи людей или леопардовъ они издаютъ странные звуки, похожіе на лай, съ цѣлью привлечь вниманіе всѣхъ. Вскорѣ все стадо начинаетъ мычать, ревътъ, лаять и визжать напереерывъ. Всѣ способные къ борьбѣ самцы выступаютъ по краямъ обрывовъ скалъ, внимательно осматривая долину, чтобы узнать степень опасности. Молодые ищутъ защиты у старшихъ. Дѣти вѣшаются къ матерямъ на шею или влѣзаютъ имъ на спину и все стадо быстро приходитъ въ движеніе и поспѣшно скрывается изъ вида. Туземцевъ гамадрилы не боятся; они спокойно проходятъ мимо чернокожаго человѣка и пьютъ изъ одного съ нимъ ручья. Бѣлый человѣкъ всегда возбуждаетъ въ нихъ нѣкоторое опасеніе.

Какъ-то нѣсколько охотниковъ случайно напали на стадо гамадриловъ. Обезьяны сидѣли на крутой

скалѣ. Какъ только охотники были замѣчены, всѣ головы обезьянъ повернулись въ ихъ сторону, но особеннаго безпокойства они при этомъ не выказали: молодые продолжали играть, а самцы „искали“ въ шерсти самцовъ. Собаки у охотниковъ залаяли. Тогда обезьяны поднялись и отправились вдоль горъ и скоро исчезли изъ глазъ охотниковъ. Обогнувъ горы, охотники опять увидели обезьянъ и рѣшили поохотиться за ними. При первыхъ выстрѣлахъ обезьяны пришли въ страшное смятеніе: все стадо принялось кричать самымъ ужаснымъ образомъ. Потомъ всѣ они двинулись по узкой скалѣ. При новомъ изгибѣ долины охотники снова замѣтили обезьянъ; они спускались въ долину, чтобы перебраться на другія скалы, часть стада уже забралась на высоту, но большинство находилось въ долинѣ. Собаки бросились на обезьянъ, но старые самцы спустились со скалъ и прогнали собакъ. Охотникамъ удалось натравить ихъ опять. Въ это время въ долинѣ было ужъ немного обезьянъ и въ томъ числѣ, приблизительно, полугодовой дѣтенышъ. Эта обезьянка вскорѣ была окружена собаками. Но вдругъ величественно и гордо, не обращая вниманья на охотниковъ, спустился одинъ изъ самыхъ сильныхъ самцовъ прямо къ собакамъ, которыя испугались его страшнаго вида и отступили. Онъ подошелъ къ дѣтенышу, обласкалъ его и съ нимъ на рукахъ отправился въ обратный путь. Гамадрилы часто защищаются отъ охотниковъ тѣмъ, что бросаютъ въ нихъ камни. Въ неволѣ часто можно встрѣтить гамадрила, особенно у фо-

кусниковъ, которые держатъ преимущество самокъ, такъ какъ самцы очень злы и опасны. Вообще съ старымъ гамадриломъ ладить очень опасно и трудно.

Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ живутъ гамадрилы, водится также самый большой изъ павіановъ Гелада,

Рис. 21. Гелада.

(рис. 21) которая достигаетъ почти человѣческаго роста. Она очень похожа на гамадрила, имѣетъ такую же гриву, но живетъ съ нимъ во враждѣ.

Держится она на скалистыхъ горахъ, иногда на высотѣ одной версты и болѣе и живетъ въ пещерахъ. Днемъ ихъ можно видѣть сидящими длинными рядами на выступахъ скаль обществами до 1000 штукъ. Со скаль онѣ спускаются только для грабежа полей. Если стадо геладъ встрѣтится съ гамадрилами, то обѣ арміи вступаютъ въ бой. Гелады и гамадрилы поднимаютъ ужасный вой, рычать ревуть и лаютъ. Съ той и другой стороны выступаетъ иногда по одному старому исполину, которые набрасываются другъ на друга. Они таскаютъ одинъ другого за гриву, иногда даже кусаются, но до смертнаго боя дѣло никогда не доходитъ.

Самымъ безобразнѣйшимъ изъ обезьянъ по справедливости считается **Мандрилъ**. Голова его, особенно черепъ необыкновенно велики; очень маленькіе глаза стоятъ близко одинъ къ другому; надглазныя дуги выдаются ребромъ; по обѣимъ сторонамъ носа проходитъ продольный съ бороздками наростъ. Вотъ каковъ изъ себя этотъ мандрилъ. Къ этому нужно прибавить довольно большой ростъ до полутора аршина, страшные зубы и неуклюжее тѣло. Въ молодости мандрилы очень занимательны, но скоро портятся и дѣлаются невыносимыми. Разгнѣванный, онъ впадаетъ въ такое раздраженіе, что все забываетъ и бросается, очертя голову, на своего врага. Его тогда ни пугаетъ ни кнутъ, ни оружіе. Ни одного звѣря сторожа не боятся такъ, какъ разъяреннаго мандрила.

Еще замѣчательна его влюбчивость и ревнивость. Мандрилы влюбляются не только въ самокъ своей

породы или других обезьянъ, но и въ женщинъ, которыхъ имъ часто приходится видѣть. Если они увидятъ, что мужчина ласкаетъ предметъ ихъ страсти, ревность ихъ не имѣетъ границъ. Въ бѣшенствѣ они часто ломаютъ свои клѣтки. Только съ большимъ трудомъ можно приручить мандриловъ

Рис. 22. Силенъ.

и сдѣлать ихъ послушными. Такія попытки, правда, часто удавалась.

Что бы покончить съ павіанами и вообще съ обезьянами Стараго Свѣта остается еще описать **Силена**. Это бѣлобородая обезьяна, похожая на стараго индѣйца съ сѣдой бородой. (рис. 22).

Отечествомъ ея можно считать островъ Цейлонъ